

РИНА ЛЕСНИКОВА

18+

**СИЛА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Рина Лесникова

Сила противодействия

<https://litres.ru/54975279>

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта история начинается, как и большинство историй о попаданках. Полина – умная девушка, и она уже спланировала свою жизнь. Но. Роковое ли стечение обстоятельств, злая ли насмешка судьбы или же досадное невезение, и она оказывается в другом мире, да ещё и в теле слабоумной девчонки. Кому нужна такая? Однако покупатель нашёлся...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	70
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Пролог

Ничто не предвещало беды. Самое худшее и набившее оскомину начало. Но ведь это чистая правда – беды, и правда, ничего не предвещало, даже, наоборот, всё складывалось очень удачно. Как Полина поняла позже – подозрительно удачно. Артур оканчивал магистратуру, и по нему уже давно тосковало место помощника секретаря в одном европейском посольстве. А она, Полина, или Лина, Линушка, как ласково называл её Артурчик, должна была ещё год учиться, чтобы получить степень бакалавра. Последний год они прекрасно сосуществовали в однушке, которая досталась Полине от бабушки. Всё уже было давно обговорено и решено. Девушка должна получить степень. На магистра же будет учиться заочно. А потому они решили, что Артурчик получает диплом, уезжает в заждавшееся его посольство, там обживает свой стол и кресло, и в первый же заслуженный отпуск возвращается, они устраивают скромную свадьбу, и уже навсегда соединяют руки и сердца.

Что могло не понравиться высшим силам в этих планах? Или они решили подстегнуть события? В общем, случилось то, что случилось. Перед самой защитой выяснилось, что они плохо предохранялись, и страстная любовь принесла свои плоды. Артур поначалу накричал, что виновата в таком всегда женщина, мол, он ей доверял, как себе, а она почему-то

решила, что её могут бросить, и подловила наивного будущего дипломата на самый верный женский приём. Таким его Полина никогда не видела. У неё не нашлось ни одного слова в ответ. Молчала она и тогда, когда любимый ушёл, громко хлопнув дверью. Нужные слова нашлись после того, как за дверью стихли шаги. Что ничего менять не придётся, что Артур так же уедет в своё посольство, а она останется, чтобы доучиться и родить ребёнка. Даже академ брать не будет. Наймет на те несколько месяцев, что будет писать диплом, няню, и справится, обязательно справится. Всецелой разницы-то, что пожениться им придётся немного раньше. Но Артур ушёл, и сказать эти слова было некому. И только терпеливая подушка ночь напролёт собирала слёзы и выслушивала жалобы.

А на следующий день Артур вернулся. Пришёл он уже после обеда, слегка помятый, но с огромным букетом, побритый и пахнущий одеколоном лучшего друга Саньки – студента мединститута. Значит, у него и ночевал. И, как это принято у закадычных друзей, разделили неприятности на двоих. Судя по дорогущему букету – разделили, препарировали, присмотрелись и пришли к тем же выводам, к которым раньше пришла Полина.

– Ты меня простишь, дурака? – Артурчик уткнулся в голые колени своей девушки. – Не знаю, что на меня нашло. Плохой из меня пока дипломат. Как мне забрать свои слова обратно?

А потом был секс. Безудержный и всепоглощающий. Так они не любили друга даже в первый месяц после того, как стали жить вместе. Прерывались только для того, чтобы перекусить, попить водички и опять набрасывались друг на друга. В шесть часов утра Артурчик спохватился и собрался тащить Полину в загс – подавать заявление. Кое-как удалось его убедить, что ещё слишком рано, и, вообще, сегодня воскресенье.

После завтрака Артур сообщил, что на одиннадцать у него назначена консультация у профессора Привалова, быстро собрался, чмокнул свою Линушку в щёчку и, пообещав, что надолго не задержится, убежал в университет. Ничего странного в этом не было, профессор был очень занятым человеком, а потому назначал встречи своим дипломникам в любое удобное для него время. А беспокойство, что начало глодать сразу же, как захлопнулась за любимым дверь, можно было списать на присущую беременным изменчивость настроения. Нужно будет сразу же после того, как только они подадут заявление в загс, пойти к врачу и попросить какой-нибудь успокаивающий сбор. Её тревоги не должны сказываться на малыше. А пока нужно навести порядок в комнате. Ладно, кровать, ещё можно понять, почему на ней всё перемешано, но почему сброшено всё с письменного стола и перевернуто кресло? Впрочем, если напрячь память, то вспомнилась пара пикантных моментов, от которых приятно заныло внизу живота. Ну Артур, ну и затейник.

Она почти закончила уборку, когда раздался звонок домофона. Неужели Артур забыл ключи? Нет, это оказался его закадычный друг Санька. Тот самый, который убедил любимого, что ничего страшного не случилось, и вариант со свадьбой будет наилучшим для всех. Санька притащил ещё один букет, торт и огромный пакет с фруктами.

– Вот, это тебе! – протянул он букет и фрукты. – Хотя, нет, теперь никаких тяжестей. Где этот счастливчик? Я принёс ему лекарство, – он по-свойски прошёл на кухню, поставил пакет на стол и достал из него пару бутылок пива.

– Убежал к профессору Привалову, – Полина стала заглядывать в шкафчики в поисках посуды, в которую можно было поставить второй букет. Раньше для этих целей хватало единственной имеющейся в их доме вазы.

– Бедняга, – в словах гостя проскальзывали одновременно сочувствие и сарказм, – ну да ладно, парень он молодой, крепкий. Должен справиться. Скоро вернётся? Впрочем, сам узнаю, – и Санька достал телефон, но, набрав номер, и немного послушав, огорчённо сообщил, – ещё недоступен, – оно и понятно, профессор не любил, когда его студенты отвлекались на разговоры по телефону. Затем, не сомневаясь, что его не выгонят, полу утвердительно спросил: – Ты не будешь возражать, если я подожду его? Обожаю пиво с тортом! – нагло заявил он. И в этом не было ничего удивительного. За Саньком замечались и не такие гастрономические странности.

Всё нормально, Санька и раньше проводил у них много времени. Пришлось ставить чайник, и под одобрительные кивки доставать из холодильника сыр и колбасу и резать батон. Полина уже заварила свежий зелёный чай и наполнила свой бокал, когда в комнате запиликал телефон. Пока она дошла до него, звонок прервался. На дисплее мигнуло фото Артура, но ответный звонок показал, что абонент вновь не доступен.

– Звонил Артур, но опять сорвался, – сообщила она, возвращаясь на кухню, – видимо, разрядился телефон.

– Тем хуже для него, – заявил гость, ловко разрезая торт, – нам больше достанется.

Полина улыбнулась и отпила из своей чашки. Вкус показался странным, она даже проверила жестянку, из которой насыпала заварку – обычный чай – зелёный с бергамотом.

– Что такое? – поинтересовался Санёк. Сам он только что отхлебнул пиво и не сдержал блаженного выдоха.

– Вкус у чая странный, – пожаловалась Полина.

– Да? – парень бесцеремонно сунул нос в заварник, шумно втянул воздух и со знанием дела сообщил: – Не пиво.

– Конечно, не пиво! Вам бы только пиво лакать!

– Не обижайся, золотко, это я так, – примирительно проговорил Санёк, – рановато ещё, конечно, но вполне может быть, что у тебя меняется вкус. Ты пей, пей. Чай хороший. А торт! М-мм! – и он отправил в рот огромный кусок.

Допить чай не удалось. После нескольких глотков закру-

жилась голова.

– Голова. Саша! Что со мной? – Полина беспомощно взглянула на собеседника.

– Что, золотко? Голова закружилась? Как хорошо, что рядом добрый Саня! Давай я помогу дойти до кровати. Что? Ноги не держат? Ничего, Саня донесёт, – и мужчина подхватил оседающую хозяйку на руки.

В комнате он положил её на кровать.

– Вот, полежишь немного, и всё будет в порядке. Это нормально. Что? Жарко? – Санёк взял с тумбочки тетрадь с конспектами и стал размахивать ею над девушкой. – Эх, как щёки горят, не помогает!

– Артур, где Артур? – сознание постепенно уплывало.

– Сейчас и наш Артур придёт, – рвано дыша, сообщил гость, – только будущий доктор у нас не он, а Александр Владимирович, то есть, я. Подожди немного, сейчас помогу, – и Санёк стал расстёгивать пуговицы на домашней рубашке Полины.

Дальнейшее помнилось клочками. Он снял с неё рубашку, потом брюки. Кажется, вместе с бельём. После поспешно разделся сам и лёг рядом. К бедру прижалось что-то неприятно-горячее.

– Артур! Где Артур?

– Сейчас, идёт к нам наш Артур, – разделся возбуждённый шёпот, – вот сюда положи руку, вот так, правильно делаешь, золотко!

Затуманенным взором удалось увидеть, что рядом с кроватью стоит её Артур и снимает, снимает, снимает. Затем это безумие накрыла благодатная тьма.

Приходить в себя было очень тяжело. Болела голова, ломило руки и ноги, а ещё очень хотелось пить. В квартире стояла тишина. Отчего-то подумалось, что именно про такую говорят звенящая. Или это звенит в ушах? Как бы то ни было, нужно подниматься и идти на кухню. Надо же, время приближается к вечеру, а Артура ещё нет. И Санёк. А где Санёк? Странно, на кухонном столе чисто, торта нет. Только телефон. Почему-то казалось важным найти торт. Или хотя бы коробку от него. Как только найдётся торт, всё сразу встанет на свои места. Но даже пакет в мусорном ведре сиял новизной. Артур ушёл вынести мусор? Неужели, настолько проникся идеей будущего отцовства? Полина залпом выпила стакан воды и решила позвонить любимому. Нажала на кнопку телефона, открылась картинка. Фу, какая гадость! Кто это ей поставил? Или это чужой телефон? Но глаза уже внимательно всматривались в фотографию. Их комната, их кровать, голая мужская спина и полноватые ягодички. А под мужчиной, бесстыдно раздвинув ноги, лежит она, Полина. Этого не может быть! А пальцы уже перелистывали снимки. Санёк целует её грудь, его голова скрыта между женских бёдер. Гадость, гадость! Полина еле добежала до раковины, и её вырвало, потом ещё и ещё. Как. Такое. Могло. Случиться.

Последнее, что она помнила – это чай. Ей что-то добавили в чай? Полина заглянула в заварной чайник, но и он сиял белизной. Оставалась ещё одна надежда – позвонить Артуру.

– Алло, – сразу же отозвался он.

– Артур, ты где?

– И ты ещё спрашиваешь? Не ищи со мной встречи. Хватит делать из меня дурака, – сухо сообщил он, и телефон смолк.

То, что Артур её бросил, стало понятно, когда Полина вернулась в комнату. Надо же, он даже забрал свои домашние тапочки! Да-аа, далеко пойдёт. Так удачно сыграть жертву.

Почему? Ну почему это произошло именно с ней? Вроде бы не глупа. Друзья, и даже немногочисленные подруги, уверяют, что красива. За что Артур так с ней поступил? Даже не столько с ней, сколько с ребёнком. В чём виноват нерождённый ребёнок? Только сейчас всё стало вставать на свои места. Кем она была для Артурчика? Удобная домохозяйка? А что. Отдельное жильё, обед всегда приготовлен, опять же, не нужно тратить на беспорядочные половые связи. И вот, студенческий этап жизни позади, и Полина с её однушкой и глупой любовью стала не нужна, можно оставить её в прошлом. Как же, его ждёт великое будущее.

И ведь как всё предусмотрели! Доказательства измены – в телефоне. И всё видится в совсем ином свете. Артур – жертва интриганки, пожелавшей заманить перспективного

дипломата в брачные сети. Полина была уверена, если она попробует искать справедливость, эти гадкие фотографии тут же разойдутся по друзьям. А Санёк. Ну что Санёк? Не устоял перед женскими прелестями, с кем не бывает. Из-за этого даже и дружба не пострадает.

На душе было гадко. Как она могла быть такой наивной? Ею же просто попользовались. Как квартирой, посудой, телефоном, в конце концов! Полина прикрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. Ни Артурчика, ни прошлого, с ним связанного, уже не вернуть. И пусть он всегда обвинял девушку в излишней приземлённости и рационализме, но математический склад ума и здесь помог не скатиться в банальную истерику. А поэтому нужно собраться с мыслями и проанализировать то, что имеем.

А имеем мы квартиру, неоконченное образование, небольшую подработку фриланс и беременность. Что не имеем? Не имеем мы отца ребёнка, оказавшегося трусом и подлецом. Вот и хорошо, что он вовремя показал свою сущность. Вернее, жаль, что поняла поздно, но... поняла.

Полина ещё раз вздохнула и пошла на кухню ещё попить водички. Воды в холодильнике не было. Не беда, ей теперь нужно больше гулять, а потому, нужно взять себя в руки и начинать жить без... того, чьё имя она уже забывает. Любовь ушла, хлопнув дверью вместе с Артуром. Осталось немного подождать, уйдёт и память. Девушка решила проверить холодильник, что же ещё следует купить. Воду, йогурт,

фрукты. В нижнем ящике нагло шуршал пакет, принесённый Саньком. Выбросить? Но яблоки и виноград не виноваты в том, что этот «доктор» сотворил с ней. Полина решительно вытащила пакет из холодильника, вышла с ним на площадку и позвонила в сорок девятую квартиру. За дверью медленно зашаркали старческие шаги.

– Баб Дусь, это я, Полина! – кричать нужно было как можно громче, престарелая соседка была туговата на ухо.

– Полиночка! Заходи, заходи, – старушка посторонилась, пропуская гостью в квартиру.

– Я, баб Дусь, только на секундочку, очень тороплюсь. Вот возьмите, это вам! – Полина протянула пластиковый пакет и, не дожидаясь, пока та начнёт расспрашивать, почему же у неё красные глаза, побежала по лестнице вниз.

– Неужто, из собеса передали? – растерянно спросила старушка, а потом, словно спохватившись, перекрестила лестничный пролёт, по которому сбежала девушка, и прошептала: – Найдёшь и ты своё счастье, милая. Рано или поздно, здесь, али где ещё, но обязательно найдёшь!

Но слов её не услышали, Полина уже выходила из подъезда. Она решила пешком прогуляться до супермаркета, находящегося в паре кварталов от дома. Ходьба упорядочивает мысли. Это как раз то, что сейчас нужно. В голове появилось свободное место, которое занимал тот, кого она скоро забудет, и это место срочно нужно занять. Формулы высшей математики туда не поместишь, не для того оно. Значит, нужно

занять это место кем-нибудь другим. Совсем-совсем не похожим на прежнего властителя её дум. Итак, какой он, выдуманный отец её ребёнка? Высокий широкоплечий брюнет, обязательно с кубиками на животе, как на обложках тех книжек, что Полина в свободное время почитывала, правда, сама же и посмеивалась над ними. В общем, красавец не то, что некоторые. Впрочем, нет тех некоторых, у нас тут брюнет прорисовывается. Что ещё? Глаза? Конечно же, зелёные! Нос – непременно прямой. Губы? Эм-м, ну какие у красавцев губы? Ну, пусть будут решительно очерченные! Руки – мозолистые, но с непременно ухоженными ногтями. Без фанатизма, конечно. Имя. Какое же у её идеала имя? С творческим подходом у неё всегда были проблемы. Не признавал её аналитический ум размышлений на подобные темы. Ведь, если жизнь, как математику, разбить на графики и формулы, то и будет в этой жизни всё чётко и ясно, соответственно этим самым формулам и графикам. И если не подошла одна формула, значит, не ту выбрали, и нужно приниматься за новый расчёт.

До магазина осталось преодолеть большой перекрёсток. Полина глянула на светофор – успеет, и шагнула на зебру. И она успела бы. Если бы не сцена, заставившая замереть на месте. В сгущающихся вечерних сумерках к небольшому серебристому Volkswagen Golf 6, припаркованному на стоянке перед магазином, подходила привлекающая её внимание парочка. Разодетая фифа подошла к пассажирскому сиденью

и ожидала, когда кавалер откроет ей дверь. Всё бы ничего, но кавалером был Тот, Которого Полина Почти Забыла. Как оказалось, он забыл ещё быстрее.

Визг тормозов вылетевшего из-за угла джипа она почти не слышала. И удара почти не почувствовала, лишь подумала, что зря она придумала отца своему малышу. Малыш уже никогда не родится.

Глава 1

– И ты, старик, уверяешь, что она до сих пор девственница? Да по деревням бабы уже к шестнадцати годам все брюхатые! – человек в чёрных одеждах сверлил непроницаемым взглядом тщедушного мужичонку, угодливо кланяющегося опасному гостю.

– Берёг. Как есть берёг, ва-ва-ваша светлость!

Гость медленно поднял правую руку, протянул её к заикающемуся селянину и, не дотрагиваясь до него, стал медленно сжимать кулак.

– А-а-а! Помилуйте, ваше сиятельство! – задыхаясь, захрипел хозяин бедненького подворья. – Не позарился никто! Не из первых красавиц моя Пэл, ногу, опять же, сломала, непутёвая! И, и, и...

– Говори, старик! – страшный посетитель немного ослабил хватку.

– Умом мою девочку всеблагие создатели обидели, ваше высочество!

– Можешь называть меня просто – господин, – раздался гулкий голос из-под капюшона.

– Так что, берёте, милостивый господин? – мужику не удалось скрыть сверкнувшей в глазах жадности.

У ног продавца звякнул серебром кожаный кошель.

– Премного благодарны, милостивый господин, премного

благодарны! – мужичок упал на колени и ползком стал подбираться к вожаденному кошелю.

Только он протянул руку, чтобы подобрать такое близкое серебро, как на мешочек с заветным содержимым ступила нога в чёрном кожаном сапоге.

– Извольте шутить, милостивый господин? – хозяин домишки, во дворе которого происходил торг, рассыпался угодливым смехом.

– Девка где? – мягко, почти ласково спросил чёрный господин.

– Дык, у себя она, где ж ей быть, ягодке нашей, – залезбил отец продаваемой девушки.

– Веди во двор!

– Пэл, доченька милая! Иди к нам, и тебе, наконец-то, счастье привалило! – мужичок, как был, на полусогнутых, кинулся в дом, из окон которого выглядывали испуганные домочадцы.

Вскоре он вернулся, крепко прижимая к себе девуцу, мычащую что-то невразумительное. Одна её рука была перекинута через отцовское плечо, и бедняга надсадно кряхтел под такой тяжестью.

– Она что? И ходить сама не может?

– Дык, ваше сиятельство, говорю же, ногу ломала! А так-то моя Пэл крепкая! И кушает хорошо! Сама кушает, – счёл за нужное добавить он, – а как выздоровеет, по дому начнёт убираться, или, там вам что сготовить, постирать, – голос от-

ца Пэл неуверенно затихал.

Неужели такая выгодная сделка сорвётся? На те деньги, что лежали в кошеле, можно и крышу худую подлатать, да и старший сын давно уж соседскую дочку по сеновалам тискает, кабы к зиме пузо на лоб не полезло, а свадьба – это тоже траты.

– Тащи в экипаж! – приказал покупатель. – Но смотри, если девка окажется не девкой, спалю не только твой дом, но и всю деревню!

Угроза была не пустой. Тёмный маг и вправду мог спалить деревню. А как узнаешь, девица она или нет? Снимать с Пэл отец никого не снимал, да и в кабаке никто не похвалялся, что лазил ей под юбку, как это принято среди деревенских. Эх, была не была!

– Всё в лучшем виде, ваше сиятельство! – проговорил продавец и потащил дочь к экипажу важного господина, проверяя быстрым взглядом, лежит ли на месте кошель с монетами. К его облегчению, кошель тёмный господин не тронул. А мог бы и забрать. И ничего ему не сделать. Разве что плюнуть вслед.

Кое-как разместив увечное тело в господском экипаже, отец Пэл последний раз низко поклонился «доброму благодетелю» и вернулся к дому.

– Как ты думаешь, для чего тёмному магу понадобилась наша дурища? – после того, как экипаж господина отъехал, из дома вышла мать Пэл.

– Зачем, зачем? Может, ему умные да красивые не нужны в услужении. Вот и выбрал, какую попроще.

– А чего ж так настаивал, чтоб непременно девкой невинной была?

– Господа, они ж не мы, у них этих странностей полно. А чего там? Вечером девка, а к утру уже нет. Какая разница! – и он весело заржал над своей шуткой. – Эй, Риспе, ты не слыхал, никто нашей Пэл пол юбку не лазил, ничего не совал?

Из-за угла сарая, откуда он следил за торгом, появился старший сын хозяев – здоровый детина, ненамного ушедший интеллектотом от младшей сестры.

– Не, отец. Наша Пэл навроде чумной у деревенских была. Сторонились они её.

– То-то хорошо, то-то славно! Теперь локти вся деревня грызть будет. Как же, так удачно дочурку пристроили. Вот вам и чумная Пэл! Чего стоишь, дурень? Иди, говори своей крале, что берём её в невестки! Да поторапливайся! Надо начинать крышу крыть.

То, что происходило с Полиной после удара об асфальт, воспринималось ею, словно в тумане. Сквозь туман ощущался толчок. Сквозь туман и немного сверху она видела, как из джипа выскочил перепуганный прыщавый юнец. «Восемнадцать-то тебе есть, мажорик?» – сквозь туман же подумала она. И сквозь туман увидела, как отъезжает со стоянки

супермаркета серебристый Volkswagen. И такая злость растеклась по всему телу. Хотя нет, тело вон лежит, на дороге, в самом центре беспорядочно мечущейся толпы. Значит, на этом всё? Закончен её жизненный путь? И вдруг так захотелось жить. Может быть, не здесь и не так, но жить! Она ещё видит, слышит и чувствует, она ещё не ушла в ничто! Мироздание! Боги! Светлые, тёмные, какие вы там ещё бываете, неужели вам безразлично, что такая душа исчезнет? Неужели Полина нигде не нужна? Ну хоть в каком-нибудь из миров? Боги!

Туман после такой молитвы не только не рассеялся, но и уплотнился, закружился в бешеном вихре и потащил за собой Полину.

Безумно побелела голова. Как будто... как будто в ней поменяли мозг! Ломило всё тело, с особым садизмом отдавая болью в правом боку и ноге, куда пришёлся удар. Никак не удавалось сообразить, где же она находится. В глаза будто насыпали песку, и всё время казалось, что лежит она не на асфальте или больничной койке, а на куче вонючего тряпья в грязной и такой же вонючей хижине. Бред. Какой же бред!

– Пэл, доченька милая! Иди к нам, и тебе наконец-то счастье привалило! – совсем рядом послышался чей-то неискренний призыв.

Что же им всем нужно? Куда её тащат? Очень хотелось придушить или хотя бы, как следует, отругать неуклюжего санитаря, что так бесцеремонно тащил её куда-то. Но из гор-

ла вырывалось лишь невнятное мычание. Ощущение, что её разбитое и раздавленное тело участвует в какой-то сюрреалистичной постановке, не проходило. Пахнувший застарелым потом и луком санитар, который, надсаживаясь, куда-то это тело тащил, с завидным воодушевлением нахваливал какую-то Пэл. Причём делал это так старательно, что ему не верила даже Полина, которая находилась в полубессознательном состоянии. Потом её куда-то грубо затолкали, хлопнула дверца, затуманенный разум автоматически отметил какую-то неправильность. Дверцы машин с таким звуком не закрываются. Ну, да ладно, как будто это сейчас главная проблема. Последовал ещё один удар дверцы, уже с другой стороны, транспорт качнуло, видимо в него сел доктор или тот санитар, что так грубо перетаскивал её, и «скорая» тронулась. Странно, неужели наша медицина так обнищала, что в каретах скорой помощи нет обычных носилок? Почему её разместили прямо на полу?

Полина со стоном открыла глаза. Нет, это точно, бред. Перед глазами находился блестящий кожаный сапог. Очень дорогой, это отметилась даже сквозь пелену странного бреда. Работники скорой в таких сапогах не ходят. Так, если не обращать внимания на жуткую головную боль, то можно утверждать, что в голове проясняется, и этот сапог и обитый чёрным же бархатом пол машины ей не чудится. Или чудится? Но только очень качественно? И где они нашли в городе такие дороги, что всё в машине, в том числе и многострадаль-

ное тело, трясётся на ухабах. Нужно подняться и осмотреться. Как только она попыталась подняться, раздался грубый окрик:

– Лежи, где лежишь!

А это уже больше похоже на похищение. И опять основной мыслью было то, что всё это бред её воспалённого сознания. Ну кому она нужна? Выкуп требовать за неё не с кого. Одна она осталась после смерти бабушки. Артур решил припугнуть? На него это совсем не похоже. Вот порочащие фотографии это его стиль – мелко, подленько, дёшево и наверняка. Опять же, сам весь в белом остался. А этот, похититель – в чёрном, совсем некстати пришла отстранённая мысль. Так, как там нужно вести себя при похищении? Вот, же незадача. В голову лез только стокгольмский синдром. Но пока это не наш случай. И Полина опять застонала.

– Ну что ещё? Велел же лежать и помалкивать! – опять послышался тот же голос.

– Нога, – простонала Полина.

– Носит вас, дур, где попало, – отругали её, – ломаете себе кости. И ведь, как знаешь, что кристалл выбрал тебя, и переиначивать уже некогда!

Полина почувствовала, что её подхватили по мышкам, протянули немного вперёд, и она ударилась головой обо что-то твёрдое. О дверцу? Нужно ещё раз осмотреться. Отсюда видно было немного больше. Станный салон. Таких она ещё не видела. Довольно-таки высокий, просторный, а вот окна со-

всем маленькие, заднее, вообще, не больше дамской сумочки. Два обтянутых чёрным же бархатом диванчика расположены один напротив другого. Её похитили на бронированной представительской машине? Только Полина хотела рассмотреть похитителя, как на лицо набросили какую-то вонючую тряпку, одновременно по ногам пробежался холод, как если бы с них задрали юбку. Какую юбку? Она же вышла в джинсах! А к голым ногам уже прикоснулись мужские руки. Они умело пробежались по щиколоткам, поднялись до бедра, нашли больное место и на нём задержались, ощупывая. Одна рука взялась за колено, другая поднялась до промежности. Что? На ней нет не только джинсов, но и белья?! Полина дёрнулась.

– Лежать, я сказал! Не думай, что я поведусь на твои прелести!

Мужчина резко дёрнул руки в стороны, при этом удерживая больное бедро. Полина закричала и отключилась.

Очнулась Полина от того, что очень хотелось в туалет. Открыла глаза и огляделась. Она лежала на деревянном топчане в небольшой каменной комнатке. Через небольшое оконце пробивался неуверенный свет раннего утра. Прежде всего, нужно найти туалетную комнату. Но как же она до неё доберётся? Вспомнился удар, боль, потом то, как её куда-то тащили, странный то ли доктор, то ли похититель весь в чёрном. То, как он лапал её. Или, всё же лечил? И вдруг Поли-

на поняла, что нога у неё не болит, вернее, болит, но не так, как будто перемолоты все кости, а терпимо. Наложили гипс и обезболили? Она ощупала бедро. Гипса нет. Заглянула под юбку – и бинтов никаких нет. Да, белья тоже нет. Это что? Ещё один способ морального давления? А теперь нужно попробовать осторожно встать и найти этот, будь он неладен, туалет.

Девушка толкнула дверь из массивных тёмных досок. Надо же, натуральное дерево! Сколько, интересно, такая дверь может стоять? А, впрочем, не всё ли равно, дверь закрыта, а ей надо. Ну, очень надо! Полина заколотила в дорогуший раритет кулаками. Она побоялась использовать для этих целей недавно поджившую ногу. Никто на отчаянный призыв не появился. Что же делать? Не присаживаться же прямо в уголке! Внимательно оглядев свою темницу, пленница нашла лишь прикрытый тряпицей кувшин на небольшом подобии стола и, в одном из углов – небольшой желоб и уходящее в стену отверстие. Это и есть местные сан удобства? Впрочем, уже всё равно, и пусть даже этот желоб является частью системы водоснабжения хозяев её темницы, тем хуже для них, Полина использует его по своей нужде.

Ох, как же просто поднять настроение. Справил малую нужду, и уже чувствуешь себя человеком! Теперь хорошо бы поесть и помыться. Именно так, сначала поесть, а потом помыться и поменять эти ужасные тряпки на нормальную одежду. Звать официантов, надо полагать, бесполезно. Поли-

на подошла к ранее замеченному столику и заглянула под так называемую салфетку. На деревянном подносе, кроме кувшина с водой ещё находилась тарелка холодной каши. Пища, конечно, не самая полезная для беременной, но привередничать будем потом. И девушка принялась за еду.

И вдруг, как молния, как обухом по голове. Ребёнок! Как же так! Она только сейчас вспомнила о ребёнке! Как он? Бросив есть, Полина прижала руки к животу. Но разве на столь малом сроке что-то определишь? Должны же быть какие-то другие признаки. Девушка лихорадочно задрала юбку. Чисто. Кровотечения нет. Стоп! Она же натуральная блондинка? А там... И руки. Как она раньше не обратила внимания на руки? Грязные, неухоженные, с поломанными ногтями. Схватила прядь длинных волос и поднесла к глазам. Чёрные! Конечно, можно было сделать предположение, что какой-то злой шутник перекрасил её волосы, причём везде. Но почему они такие длинные? И грязные. И ещё много, много почему. Нужно срочно найти зеркало. Полина в очередной раз оглядела свою темницу. Зеркала не было. Значит ли это, что от удара у неё что-то случилось с головой, и стены этой комнатуски вовсе не каменные, а мягкие или упругие? Она даже провела по стене ладонью. Обычный холодный камень. Ну-ка, ну-ка!

{если p – простое число, то для любого натурального a разность $ap - a$ делится на p }

Элементарно. Интересно, то, что она помнит малую тео-

рему Ферма, может являться доказательством вменяемости? Или... как Перельман? Теорему-то доказал, а сам не совсем от мира сего? Нашла, с кем себя сравнивать, тоже захотелось побыть гениальной? – невесело усмехнулась она.

Нужно оглядеться. Полина подошла к небольшому зарешёченному окошку, которое находилось на уровне её груди, и выглянула наружу. В окно удалось рассмотреть, что комнатка находится примерно на уровне четвёртого-пятого этажа, а сам дом – на скалистом возвышении, поэтому окрестности просматривались прекрасно. Вид сверху открывался интересный, если не сказать странный. Вокруг почти голой скалы, на которой располагался дом, куда похитители её поместили, было бескрайнее зелёное поле. Дальше – тёмный, так и хотелось сказать дремучий, лес. По лесной обочине вилась узкая – двум машинам не разминуться – дорога, которая и вела к её временному пристанищу. В далёкой дымке на западе угадывались горные вершины. Это ж куда её завезли? Ну ладно поле, лес. Может, где-то рядом и сохранились подобные, без единого обработанного клочка земли, места. Но горы? Да до ближайших гор от их города не меньше тысячи километров! словно невзначай, Полина ещё раз потрогала стены. Под пальцами по-прежнему ощущался холодный безразличный камень. Жаль. Она бы, наверное, обрадовалась, если бы поняла, что находится в палате для душевнобольных.

Душевнобольная. Полина усмехнулась. А болит ли у неё

душа? Обида, конечно, никуда не делась. Но так, что бы страдать из-за того, что её бросили. Нет, этого не было. Да, именно так, обидно и стыдно. Перед друзьями стыдно. Как же! Будущая жена будущего дипломата. Ну, да ладно, чего нет, того нет. Выходит, и любви не было. Так, одна физиология, от которой ей остался малыш. И девушка прижала руки к животу. Нечего предаваться ненужным воспоминаниям, нужно что-то делать. И тут же вспомнилось, что Артур частенько называл её «моя эвээмочка». Да, а что тут такого? Как истинный математик, Полина любила все факты и события расставлять по своим местам. Расставлять по местам, анализировать и делать из них необходимые выводы.

Итак, что мы имеем? Девушка похлопала по бокам. Ничего не имеем. В чужой грязной одежде не было даже карманов. Значит, телефонный звонок отпадает. Да и надеяться на это было бы глупо. Похитители, если они не полные идиоты, не оставляют своим жертвам телефоны. Впрочем, судя по виду за окном, и связи-то здесь нет. Так, пункт первый – телефона нет.

Пункт второй – местность не просто неизвестная, а, вообще, непонятная. И даже, если ей удастся разбить окно и выбраться, направление, куда идти, определить будет сложно, если, вообще, возможно. И, вообще, темнеющий на горизонте лес совсем не производил впечатления дружелюбного городского парка. Мало ли какое зверьё там водится? Рассмотрев вариант побега, Полина пришла к выводу: либо

она заблудится, либо её задерут дикие звери. А здесь, в доме, коли не убили сразу, остаётся надежда, что не убьют, и всё же объяснят, зачем же её выкрали? Значит, пункт второй – побег – отпадает. Пока отпадает.

Пункт третий. А вот третий пункт остаётся пока открытым. Для решения этой задачи у Полины недостаточно данных. Есть только вопросы. Почему на ней чужая одежда? Почему из короткостриженной блондинки она превратилась в длинноволосую и, надо полагать, натуральную брюнетку? И грязное неухоженное тело. И ещё. Как похититель вылечил её сломанное бедро? Каким бы специалистом ни был доктор, но на заживление кости элементарно требуется время. Месяц, как минимум. Но, чаще всего, больше.

Итак, рассмотрев условия задачи, к каким можно прийти выводам? А выводы, дорогая Полина Степановна, такие, что нам пока выданы не все условия! Значит, нужно ждать, пока экзаменаторы не подкинут ещё каких-нибудь вводных. Именно так – ждать и ничего не делать. Тем более, в закрытой комнате много не сделаешь. Пока инициатива и преимущество не на нашей стороне.

Глава 2

Только когда за окном полностью стемнело, снаружи заскрежетал засов. Ничего себе! Они там, что, рельсом дверь заперли? Дверь отворилась, и в комнату зашёл мужчина. В неверном колышущемся свете, падающем из коридора, можно было заметить, что на нём накинут чёрный плащ до пят, а на голову наброшен капюшон, почти полностью скрывающий лицо. Это ещё что за спектакль одного актёра? Или это другой, совсем не тот странный, скажем, доктор, что вёз её в странной машине? Молчит. Ждёт, когда Полина набросится с вопросами и обвинениями? А вот и нет, дорогой артист. Вам, судя по всему, нужна подыгрывающая вам публика. Ищите-ка её в другом месте. А мы молча подождём. И Полина с безразличным видом отвернулась к тёмному окну, ожидая, когда похититель заговорит первым. Очень кстати вспомнилось, что вовремя выдержанная пауза решает многое.

Разговора не получилось. Посетитель молча выпростал из-под плаща руки, сделал ими движение, как будто обрисовывал фигуру своей жертвы и, резко сжав правую руку в кулак, дёрнул её вверх. И девушка, как будто спеленатая огромной сетью, зависла над полом. Да что же это такое! Похоже, смолчать не удастся. Полина хотела, очень хотела высказать всё, что думает об этом идиоте. Это не у неё съехала крыша!

Это, оказывается, чёрный слетел с катушек! Но огромная невидимая сеть сдавила не только тело, но и лишила голоса. Удалось лишь несколько раз слабо трепыхнуться. Впрочем, бесполезно. Невидимая сеть – ещё один вопросик в третий пункт – держала крепко. И держала на достаточном расстоянии над полом. Так и не сказав ни слова, чёрный развернулся и, как на саночках, потянул за собой сеть с добычей. Стало доходить, что дело принимает совсем неприятный оборот и очень пахнет мистикой, в которую Полина, как истинный реалист, не верила. С психами должны работать специально обученные люди. Не к месту вспомнилось, что Артур проходил курс психологии. Но это точно не Артур – в горле застрял истерический смешок – мужик был явно крупнее и шире в плечах.

Чёрный, как про себя окрестила похитителя Полина, так и не сказав ни слова, вышел из комнаты. За дверью был не коридор, как ожидалось, а ещё одна комната, можно даже сказать, холл, так как он был почти круглый, и из него вели несколько дверей и – почти в самом центре – винтовая лестница вниз, куда, собственно, и пошёл мужчина. Ну, и куда деваться, Полина за ним, всё так же окутанная по рукам и ногам невидимой сетью.

Спускались долго. На первый, если даже не подземный этаж. Наконец, дошли. Вернее, как дошли. Чёрный дошёл, а Полина доплыла, как воздушный шарик на верёвочке у малыша. Мужчина опустил свою ношу у стены и ушёл. Нужно

оглядеться. Ну и антураж выбрал этот ненормальный. В свете единственного факела можно было заметить, что помещение, где её оставили, имеет форму правильного пятиугольника. Высокий потолок скрывался во тьме. А вот каменный пол показался интересным. На его идеально ровной поверхности был выбит рисунок в виде пятиконечной звезды. Если в вершинах лучей желобки рисунка были едва заметны, то к центру они углублялись, как будто... как будто по ним должно было что-то стекать. Там же, в центре, находился камень – ещё одна пятиконечная звезда, вписанная во внутренний пятиугольник пентаграммы. Хм, что-то закрадываются сомнения, что бред этого сумасшедшего так уж безвреден. Неужели её выкрал какой-нибудь сатанист?

Не успела Полина разложить по полочкам новые факты, как Чёрный вернулся и притащил таким же способом ещё одну жертву. Ого, да он с размахом действует! Свихнувшийся маньяк бросил неподвижную девушку у вершины одного из лучей пентаграммы и опять ушёл. Подруга по несчастью лежала, безучастно глядя вперёд. Она, несомненно, заметила Полину, находящуюся всего в нескольких шагах от неё, но никак не отреагировала на это. Понятно, что говорить не может, но у девчонки, а на вид ей было не больше семнадцати, и взгляд потух. Ясно. Пала духом и сломалась. Неизвестно, как этот урод с ней обходился.

Тем временем маньяк притащил следующую жертву. Тоже обездвиженную и тоже молчаливую. И вроде бы обе мол-

чат. Но как молчат! Первая – повержена и раздавлена, а вторая так сверкает глазами, что, будь её воля, подожгла бы к чертям всю эту каменную сцену вместе с вольными и невольными актёрами.

Третья и четвёртая, не считая самой Полины, девушки тоже не сдались и молчаливо выказывали крайнюю степень недовольства происходящим. Пятая, как это ни странно, пришла сама. Она, в отличие от других, смотрела на Чёрного с обожанием. О, вот и стокгольмский синдром в действии. Если бы это не было так грустно, можно было бы улыбнуться своему предвидению.

– Раздевайся и занимай свой луч, Дарна, – не глядя на девушку, приказал Чёрный.

Сам же он подошёл к самой безучастной жертве, перенёс её к вершине одного из лучей пентаграммы и осторожно, стараясь не зацепить тело, срезал с неё всю одежду. Без одежды бедняжка стала казаться ещё моложе. Угловатое тело несчастной даже не сформировалось, как следует. Чёрный педантично поправил тело, расположив его согласно лишь ему понятному замыслу и произнёс:

– Жизнь!

Следующей на очереди была та, которую принесли третьей. С неё тоже срезали всю одежду, причём Полина заметила, что кожа у этой девушки очень бледная, не считая ярко-накрашенных красных губ. Вот ведь эстетка, даже в такой ситуации нашла возможность накраситься. Между тем,

мужчина устроил её ещё в одном из лучей своего ужасного рисунка. Полине удалось заметить, что он водит над строптивницей руками, как будто укрепляет невидимые сети. После его манипуляций бледнокожая замерла в полной неподвижности, и только глаза продолжали пылать жгучей ненавистью.

– Смерть! – провозгласил Чёрный и перешёл к своей следующей жертве, а в том, что он готовит жертвоприношение, уже можно было не сомневаться.

– Свет! – произнёс он над золотоволосой пышногрудой красавицей, проделав с ней то же самое, что и с двумя предыдущими пленницами, также не забыв проверить крепость удерживающих уз.

– Разум! – раздалось над крепкой шатенкой.

– Господин, можно меня не связывать? Я сама? – робко спросила та, что самостоятельно пришла в это странное место.

– Так тебе будет спокойнее, Дарна, – раздался из-под капюшона безразличный голос.

И чернявая Дарна, которая, судя по всему, добровольно участвовала в этом кошмаре, покорно позволила приковать себя к полу.

– Тьма! – возвестил безумный экспериментатор.

Это что же получается? Пять девушек. Пять лучей у звезды-пентаграммы. Если идти по кругу, то получалось – Разум, Жизнь, Свет, Тьма и Смерть. Полине не хватило места?

Что-то подсказывало, что, даже если и так, и она является лишь запасной – мало ли что – добровольно её не отпустят. А потому нужно затихнуть, как та, первая, которую Чёрный назвал Жизнь, и надеяться, что этот свихнувшийся маньяк не станет укреплять путы. Чем бы они ни были – невидимыми верёвками или неизвестными нитями силы. Если и представится шанс, то он будет один-единственный. Полина уже чувствовала, что может немного шевелить пальцами. Возможно, даже может говорить. Но она промолчит. Поговорит она потом. Ох, как она поговорит! Вспомнит все слова, которые бабуля запрещала произносить вслух!

А Чёрный, меж тем, подошёл к ней. Так, расслабить тело и безучастный взгляд вперёд. Может, и пройдёт. Ведь играла же она во втором классе девочку Редиску в спектакле про Чиполино. Ну, давай же, примадонна, твой выход! Маньяк и с Полины срезал всю одежду и взял её на руки. Ну, хоть руки тёплые, не то, что каменный пол их узилища, уже хорошо. Чёрный понёс её в центр рисунка и положил на малую звезду. Головой разместил в угол, находящийся между Тьмой и Светом, руки раскинулись к Смерти и Жизни, а ноги сориентировал по лучам, уходящим в сторону Разума.

– Сосуд! – торжественно объявил он, и, о чудо! Не стал укреплять на ней путы!

Полина вроде как безвольно откинула голову влево – в сторону бледной девушки, которую их похититель назвал Смертью.

Чёрный, меж тем, осторожно вышел из пентаграммы и удовлетворённо произнёс:

– Хорошо!

Потом он взял уголь и быстро, совсем как доцент Петров на лекции, только молча, стал чертить на лучах пентаграммы знаки и формулы. А здесь Полине, и правда, стало интересно. Что же за задачи он перед собой ставит? Или не перед собой? Впрочем, неважно. Как же жаль, что формулы, что он вычерчивает вокруг товаров по несчастью, было не рассмотреть. Оставалось надеяться, что и её камню достанется часть этих занятных выкладок. И точно! Закончив разрисовывать внешнюю звезду, он перешёл к внутренней. Полина с интересом рассматривала те записи, которые были в зоне её видимости. Вот что значит прожжённый математик! И пусть символы были непонятны. Но никто ещё не отменял законы мироздания, которые основаны на трёх законах Ньютона. И какими знаками формулу не обозначай, суть её не меняется. Вообще, отстранённо подумала Полина, для налаживания контактов к дальним планетам будут посылать именно математиков. Уж они точно найдут общий язык с себе подобными и на других планетах.

Полина продолжала рассматривать ближайшие к ней формулы и не сразу заметила, что Чёрный занялся уже совсем другим. А он, меж тем, подходил к каждой девушке, начиная с той, которую назвал Смертью, и делал надрезы на их запястьях чёрным же кинжалом. Вот же... последовательный!

Первая кровь побежала по желобкам к центру. А ведь этот маньяк серьёзно настроен принести их всех в жертву! Думай, Полина, думай, иначе будет поздно! В голове, как назло, навязчиво крутились законы Ньютона. Подсознание, миленькое, не можешь же ты обмануть в такой ответственный момент! А Чёрный подошёл к центральной звезде, сделал такие же надрезы на запястьях своей шестой жертвы и, одной рукой занеся кинжал над её грудью, стал читать какое-то заклинание, одновременно другой рукой задирая вверх полы своего длинного одеяния. Он что? Хочет помочиться на Полину или... ой, судя по тому, в каком состоянии был вытасченный член, её мало того, что хотят убить, так ещё перед этим и изнасиловать.

И тут подсознание, наконец-то, сработало. Третий закон Ньютона! Сила действия всегда равна силе противодействия! И Полина, преодолевая сопротивление, подняла окровавленную руку и собственной кровью поставила минус перед вычерченной формулой силы. Руку, которой она так своевременно нарушила формулу, прошло, будто огнём, а затем огонь разбежался по телу, с каждым мгновением успокаиваясь, как после убойной дозы жаропонижающего.

Речь Чёрного сбилась, переходя на вой. И, к радости обесилевшей после приступа жара Полины, изнасилование стало неактуально по причине «неисправности предмета преступления», но не успокоившийся маньяк стал медленно

поднимать вверх свой жуткий кинжал. Ну, Полина Степановна, сейчас-то тебя и прирежут. Так бы и случилось, если бы не начала действовать та, которую маньяк назвал Смертью. Как оказалось, она тоже внимательно следила за тем, что происходит, и сдаваться не собиралась. Похоже, после нарушения ритуала пути ослабли, чем она и воспользовалась. Девушка заметила, что Полина поправила формулу своей кровью, и с криком: «Рушьте пентаграмму!», принялась размазывать кровь, текущую по желобу. Затем медленно поднялась и пошла к центру, голой ступнёй замазывая попадающиеся на пути символы. Видно было, что каждый последующий шаг даётся ей тяжелее предыдущего, но она упорно шла к цели – центральной звезде, на которой замерли Полина и убийца.

– Чего развалились?! – крикнула названная Смертью. – Ждёте, когда вас прикончат?!

Названные Разумом и Светом очнулись от оцепенения и тоже принялись затирать собственной кровью прежний рисунок.

– Да как вы смеете мешать великому?! – крикнула та, которой досталось имя Тьма.

И только девушка, получившая имя Жизнь, по-прежнему лежала, уставившись в одну точку. Впрочем, в зале был ещё один персонаж, который не шевелился. Вернее, его движения были очень замедленными. Чёрный маньяк, видимо, преодолевая невероятное сопротивление, всё так же желал

прикончить Полину, целеустремлённо замахиваясь на неё своим ужасным кинжалом. Она хотела бы убежать, но, как девушка-Смерть не могла добраться до них, так и Полина не могла выбраться из злосчастной внутренней пентаграммы. Она упиралась в невидимую упругую стену.

– Ритуал нарушен, бежим! – крикнула та, которую назвали Свет, и первая бросилась к двери.

Впрочем, как бы крепко ни выглядела эта девушка, но дверь была намного крепче, и на удары не поддавалась. Полина заметила, как под капюшоном, который всё ещё скрывал голову Чёрного, сверкнула злобная торжествующая улыбка. Ясно, они получили не победу, а только отсрочку, да и сама она находилась запертой на узком пяточке вместе с опасным сумасшедшим.

– Убей его, – тихий мелодичный голос в общем шуме можно было и не услышать, но услышали его все, и с изумлением глянули на ту, что, безучастная ко всему происходящему, равнодушно лежала там, где её положил Чёрный.

– Что ты такое говоришь?! – и названная Тьмой метнулась к девочке с намерением убить её саму.

Но ей дружно помешали три другие несостоявшиеся жертвы.

– Отбирай кинжал и бей! – крикнула та, которую назвали Разум. – Или ты ждёшь, пока он убьёт тебя, а потом нас? Убей его!

– Убей его! – подтвердила бледная Смерть.

– Я? – Полина показала на себя пальцем. До последнего не верилось, что это говорят ей.

– Да, ты, дура! – Разум от души прошлась кулаком по крепкой скуле Тьмы.

– Но людей нельзя убивать, – это первое, что пришло в голову.

– Скажи это Торенгару!

Значит, у маньяка есть имя – Торенгар. Ник, что ли? И, как бы то ни было, но он считает, что Полину убить не только можно, но и нужно. И не просто убить, но и изнасиловать. И маньяк уже замахнулся. Вспомнились занятия по самообороне, на которые ходила пару лет назад. Обманный взмах правой, удар по предплечью левой, и кинжал вылетел из онемевшей руки. Полина не была замедлена в своих движениях, и первая успела схватить упавшее оружие. Надо же! А ножичек-то, оказывается, каменный! Но некогда разглядывать, нужно думать, как вырваться из этой западни. Девушка упёрлась спиной в пружинящую преграду и, ухватившись обеими, выставила вперёд чёрный кинжал.

– Не подходи! – смахнув с лица мешающую прядь волос, выдавила она.

– Отдай! – раздался из-под капюшона жуткий голос-вой, и Чёрный, выставив вперёд руки, двинулся к ней.

А потом. Потом случилось то, что случилось. Полина видела, как за спиной Торенгара появилась золотоволосая девушка-Свет. Она свела и развела ладони, между ними засве-

тился огненный шар, и этот самый шар светлая толкнула вперёд. Шар легко преодолел преграду, попал в спину мужчине, и тот полетел вперёд. Прямо на нож.

– Вы что? – как обиженный ребёнок, всхлипнула Полина и, поддавшись инерции тяжёлого мужского тела, рухнула на спину – пружинящая преграда сзади перестала существовать.

Мало того, что удар о каменный пол чуть не вышиб из неё дух, ещё и Торенгар упал сверху. Упал, насаживаясь на свой собственный кинжал, который Полина продолжала удерживать обеими руками. По телу побежало жуткое тепло. Кровь. Это бежала кровь человека, который хотел их убить.

– Учитель! – к Торенгару подбежала девушка-Тьма и перевернула его на спину, тем самым, освободив Полину от тяжёлого тела. – Учитель! Учитель! – лихорадочно повторяла она.

Названная Тьмой ухватилась за ручку кинжала, всё ещё торчащего из живота мужчины, и потянула на себя. Из открывшейся раны хлынула кровь.

– Вот так, Дарна, себя-то я вылечить и не могу. Не держи зла, – произнёс Торенгар, затем его голова бессильно откинулась, а тело начало стремительно морщиться, трескаться и рассыпаться клочьями чёрного праха.

– На кого? На кого не держать зла, Учитель? – рыдала Дарна, погружая руки в мерзкие останки того, кто хотел убить их всех.

Сначала раздался гул. Потом треск. Треснул внутренний алтарь. От него побежали трещины по полу.

– Башня рушится! Бежим! – та, которую назвали Свет, толкнула неподвижную ранее дверь, и та легко открылась.

Глава 3

Девушка, названная Смертью, кинулась следом. Названная Разумом, нерешительно замерла у выхода. Было заметно, что в ней борются два желания – убежать и помочь спастись другим – в рушащемся каменном мешке остались Дарна, которую покойный Торенгар поименовал Тьмой, по-прежнему безразличная ко всему происходящему девочка-Жизнь и Полина.

Зачем куда-то бежать? Рано или поздно придёт добрый доктор, поставит укол, и она вынырнет из этого ужасика. Крики жертв окажутся криками соседей по палате, липкая кровь – обильным п{о}том, а всё, что случилось – навязчивым бредом. Подождать, нужно только подождать.

Острый каменный осколок чувствительно чиркнул по бедру. Это всё кажется. Всё только кажется. Наверное, медсестра пришла и поставила укол. Скоро, совсем скоро закончится этот жуткий бред. Но, вместо того, чтобы впасть в столь желанное забытье, Полина увидела, как с потолка на неё и находящуюся рядом Дарну, всё так же рыдающую над чёрным пеплом, летит камень. Камень был настолько огромным, что, наверняка, придавил бы их обеих. Сугубо рациональный мозг отказывался верить в происходящее, но инстинкты тела сработали раньше, и девушка, защищаясь от несущейся глыбы, выставила руки, и обломок, не долетев до

них, сменил траекторию полёта.

Именно этот жест Полины подвиг к действию девушку-Разум, замершую в дверном проёме. Она подбежала к лежащей на холодном полу товарке по жуткому спектаклю, схватила её за мокрую от крови руку и потянула к выходу. Они уже выбежали за дверь, когда Полина резко затормозила и выдернула скользкую ладошку из захвата. Пусть это всё было не настоящее, но даже в горячечном бреде она не может позволить оставшимся погибнуть под каменными обломками.

– Мы должны забрать Жизнь и Тьму!

– Зачем они тебе нужны! Ни та, ни другая не хотят жить!

– Разберёмся! – крикнула Полина и вернулась.

Треск в помещении усиливался. И, похоже, ни одна, ни другая из оставшихся девушек не собирались покидать его. Полина подбежала к неподвижной Жизни, схватила её на руки, задав себе мысленный вопрос, а можно ли беременной поднимать тяжести, если поднимаешь их лишь в воображении горячечного бреда, и побежала к выходу. Вручила лёгкую, как пёрышко девочку, нетерпеливо ожидающей Разуму и вернулась за Тьмой-Дарной.

– Идём! – постаравшись вложить в слово всю силу своего убеждения, приказала Полина, ухватила на удивление покорную поклонницу безумного Торенгара за руку и выбежала с нею за дверь.

За спиной с усиливающимся грохотом падали камни.

Остановились они только у подножия скалистого холма, на котором совсем недавно возвышалась каменная башня. Да, именно так. Не дом, как думала Полина ранее, а настоящая башня, сложенная из чёрных глыб. Кроме того, что страстно хотелось вынырнуть из этих фантазмагорических видений, почти так же сильно хотелось упасть на траву. И ещё помыться. Всё тело было в крови и пыли. Мало того, что измазалась в собственной крови, так ещё и из Торенгара вылилось немало. Ну, и одеться не помешало бы. Ведь даже то жалкое тряпьё, что было на ней, осталось лежать под развалинами.

– Ну, повеселились, и хватит. Я, пожалуй, пойду, – сообщила бледная Смерть, отходя, – Сосуд, – Полина поняла, что обращаются к ней, – я у тебя в долгу. Мы все у тебя в долгу, – и она многозначительно обвела взглядом всю компанию, – знай: ни я, ни мои кровные никогда не тронем тебя! – и она, не сказав больше ни слова, убежала.

– Да что ты, вампирка, можешь сделать против Сосуда, впитавшего Силу, – вслед ей презрительно скривила губы Свет.

– Что? Сосуд впитала силу Учителя? – в глазах Дарны зажглась надежда.

– Нет, тёмная, – выплюнула, как ругательство, золотоволосая Свет, – Сосуд впитала всю Силу. И она пойдёт со мной!

– Сосуд убила Учителя! И она должна заменить его! – воз-

разила Дарна. – Таков закон равновесия!

– Ну да, именно о равновесии и заботился твой учитель, когда захотел стать всемогущим и начал ритуал призыва Силы, – с сарказмом заметила Свет.

– Да ты... да я. Учитель имел право! И не вам, светлым, его осуждать! – выкрикнула Дарна-Тьма.

– Всё, что он имеет сейчас, это жалкая кучка жирного пепла под грудой камней, – усмехнулась её оппонентка.

– А ну, хватит спорить! – в разговор вмешалась та, которую называли Разум.

– А тебе-то что? Тоже имеешь виды на Сосуд?

– Нет, драконам её Сила ни к чему. Но и делить ту, которая, пусть и случайно, но спасла нас всех, я не позволю.

Так, тёмные, светлые, вампиры, драконы. Сосуды силы. Чего ещё не хватает в этом безумном спектакле? Кто как, а Полина отказывается в нём участвовать, и она, чувствуя, что её покидает не только разум, но и последние силы, легла на траву рядом со свернувшейся клубочком Жизнью, похоже, эта девочка здесь самая адекватная. Пока санитары не поставят положенный по предписанию доктора укол, она отказывается что-либо делать.

– Эй, Сосуд, ты что? Тебе плохо? – забеспокоилась Дарна.

– Ну что ты? Мне хорошо, мне очень хорошо. Но, если мне сейчас не поставят укол, я сойду с ума даже в моём безумии.

– Ха. Ха-ха-ха, – деланно рассмеялась пособница ненор-

мального, что пытался их всех убить, – как же ты сойдёшь с ума, если ты – Сосуд?

– Не знаю, как-нибудь постараюсь, – Полина прижалась ближе к Жизни, так было теплее им обоим.

– Как хочешь, – не стала спорить Дарна, – но знай, что, какой бы ты ни была, Тёмная Башня не откажется от тебя ни в коем случае.

– Ха-ха-ха, – грустно повторила Полина, – очень смешно. Да, по ходу дела, башня от меня давно отказалась!

– Я знала! – ввязалась в разговор Свет. – Я знала, что вы от неё отказались! Сосуд сама призналась! Сосуд, Светлая Башня предлагает тебе своё покровительство! Пойдём со мной! Если хочешь, мы и эльфу с собой прихватим!

– Эльфу? Ну да, куда же без эльфы, – согласилась Полина и крепче прижалась к скрюченной девушке, – и эльфа у меня будет, и сразу две башни. Две башни – лучше, чем одна башня, это я вам, как математик, скажу.

Неизвестно, сколько бы ещё продолжался этот безумный разговор, но недалеко послышался хлопок, за которым последовал торжествующий возглас светлой девушки:

– Хранители Света! Наконец-то!

Сквозь полуприкрытые веки Полина заметила, как из сияющего круга вышли три человека в странных белых одеждах, похожих на широкие саваны. О, вот и доктора пожаловали. Сразу три. И халатики на них такие... гламурненькие, отметила про себя Полина.

– Что здесь происходит? – строго спросила женщина, видимо, старшая среди них.

– Светлых вам дней, Хранители Света, – приветствовала их поклонница, низко склонившись, а затем представилась: – Моё имя – Элит{а}.

– Оденься, Элита! – Хранительница протянул руку и, буквально из воздуха, вытащила ещё один белый саван. – И объясни нам, что здесь происходит.

Золотоволосая поклонница света быстро облачилась в предложенную одежду и начала сбивчиво рассказывать.

– Тёмные! Это всё затеяли тёмные! Они опять захотели получить перевес! Тёмный маг Торенгар пытался провести запрещённый ритуал призыва Силы! Но что-то пошло не так, и Сосуд убила его! И... и... получила всю силу Торенгара и пентаграммы, – растерянно закончила она.

– Вот как? Торенгар не смог справиться с Сосудом? – усмехнулась старшая Хранительница. – Что ж, тем хуже для тёмных, – она опять протянула руку, вытащила из воздуха ещё один саван и предложила его Полине, – надень это, девочка. Негоже Сосуду Света быть обнажённой. Одевайся, мы идём домой, к Свету! – впрочем, на её жест никто не отреагировал.

– Она не Сосуд света, она просто Сосуд! И тьма имеет на неё больше прав! – даже понимая, что сила не на её стороне, Дарна стояла на своём.

Глаза светлой нехорошо сверкнули.

– Как ты сможешь нам помешать, маленькая тёмная? – она, не глядя, отмахнулась от досадной помехи, и Дарна кубарем откатилась в сторону.

– Ты напала на меня! – девушка была готова броситься с кулаками на более сильную соперницу.

– Тебе показалось, – надменно ответила Хранительница Света и опять склонилась над Полиной.

– Я свидетельствую! – подала голос та, которую Торенгар назвал Разумом.

Совсем рядом раздался ещё один хлопок и, теперь уже из чёрного круга, вышла ещё одна тройка людей, только на этих были чёрные хламиды.

– И в чём заключается твоё свидетельство, о мудрая госпожа дракон? – весело поинтересовался один из вновь появившихся.

– Светлые хранители хотят присвоить Сосуд Силы! – сразу же принялась ябедничать Дарна.

– Вот как? – тёмный насмешливо приподнял бровь. – Госпожа Орриста, выражаю моё вам почтение, но неужели вы могли так поступить?

– Тёмные заигрались, Рошт, – надменно ответила Хранительница Света, медленно выпрямляясь, – Торенгар провёл ритуал отнятия силы, и Свет имеет право на компенсацию.

– Э-э, нет, так не пойдёт, – словно поддразнивая собеседницу, протянул названный Роштом, – я не вижу, откуда бы у вас взялось это право. Пострадавших здесь не наблюдается.

Я допускаю, что в качестве компенсации морального ущерба, вы могли бы потребовать Торенгара, но, как я погляжу, – он окинул взором развалины башни, – его тоже нет. Можно даже сказать, что он и есть пострадавший. Так что, – он картинно развёл руками, – мы квиты.

– Сосуд тяготеет к свету! – патетично возразила Орриста.

В ответ на эти слова тёмный лишь поморщился.

– Вам ли не знать, что чистому разумом Сосуду всё равно, кому давать Силу.

– Вижу, ваш спор зашёл в тупик, – вмешалась дракон, названная Разумом, – до появления Хранителей Равновесия беру Сосуд Силы под своё покровительство. Надеюсь, вас всех устроит моё предложение?

Скорее всего, предложение не устроило ни одну из сторон, но, на то он и компромисс, что от него никто не выигрывает.

– Уважаемая Орриста, – обратилась девушка-дракон к хранительнице света, – вы не будете столь любезны, и не обеспечите нас с подругами по приключению какой-нибудь одеждой? И, да, коли уж нам придётся общаться какое-то время, можете звать меня Ловена.

Светлая протянула руку, вытащила из воздуха ещё несколько белых одеяний и протянула их Ловене. Та с величественным кивком взяла их, одно накинула на себя, провела руками, и оно приобрело яркий ультрамариновый цвет. Два других, которые драконица накинула на Полину и эльфю

стали серыми. Дарна гордо отказалась от белой хламиды и осталась обнажённой.

– Итак, господа, – Ловена обвела собравшихся поистине королевским взором, – кто откроет нам путь в Эрмату?

Светлая Орриста и тёмный Рошт дружно шагнули вперёд, предлагая свои услуги. Столь дружное единодушие можно было понять. Похоже, каждый из них надеялся открыть путь в свою башню. А там уж... как получится.

Столица мира Эрмата являлась древнейшим священным местом всех рас, верований и религий. Считалось, что именно здесь многочисленные боги, пророки и первопредки творили историю Карусы. Создавали расы, делили Свет и Тьму, несли знания своим последователям. Каждая раса хотела бы владеть Эрматой единолично, но добровольно покидать эти места никто не собирался, а силой захватить священные земли не решались. Вернее, была когда-то давным-давно воинственная раса фейри, которая пыталась завладеть столицей, но против них объединились все расы, конфессии и силы. И где теперь эти фейри? Только не в Эрмате. А развалины их Башни Силы до сих пор, даже по прошествии веков, тоскливо смотрят на древнюю площадь пугающими провалами окон. Попытки занять освободившееся место предпринимались, и неоднократно, но исчезали бесследно отчаянные искатели приключений и чужого добра. Поговаривали, что прямо в мир хаоса, где, собственно, и обитали изгнанные

из Эрматы и со всей Карусы фейри.

После исчезновения фейри в самом сердце священной Эрматы – на площади Двенадцати Башен – появился тринадцатый бастион – Башня Хранителей Равновесия. Самая загадочная Башня. Никто не знал, как она появилась, и что собой представляют её обитатели. Но при возникновении неразрешимых конфликтов спорщики шли именно в эту башню, и именно Хранители Равновесия, или иначе – судьи, выносили окончательный вердикт, который обжалованию не подлежал. Этот вердикт мог не понравиться никому из спорящих сторон, но оспаривать его не осмеливался никто. Правда, существовало одно очень неудобное «но». Хранители вмешивались в дела жителей Карусы сугубо по своему усмотрению, а, значит, их суда, как и решения, можно было ждать годами и десятилетиями. И так и не дожждаться.

Потому не было ничего удивительного в том, что, как светлый, так и тёмный маги надеялись, что им удастся перенести Сосуд Силы, коим они величали Полину, на территорию своих Башен. А там уж дело оставалось за малым – убедить нейтральный Сосуд принять сторону света или сторону тьмы. Сила, которая досталась Сосуду во время ритуала, ни одной из сторон лишней не будет.

– Мне нравится ваше желание помочь, – словно не заметив подоплёки предложений заклятых друзей-соперников, продолжила Ловена, – а потому, беритесь за руки, господа Орриста и Рошт и открывайте общий портал на площадь

Двенадцати Башен.

Светлая и тёмный маги скривились. Не то, чтобы прикосновения доставляли им физическую боль, но вот так взяться за руки... впрочем, стоило Ловене поднять на них деланно недоуменный взгляд, как предубеждения пришлось отложить до других времен. С неё ведь станется унести Сосуд туда, где та будет недосыгаемой ни для кого из них. И, словно предугадав тайные намерения обоих интриганов, драконица, ничуть не выказывая, что ей тяжело, подняла Полину на руки, указала глазами одному из светлых на всё так же неподвижно лежащую эльфийку-Жизнь и стала ожидать, когда откроется портал.

Вскоре перед светлой Орристой и предводителем тёмных Роштом засияло марево. Его рвано цвет перетекал из ярко-белого в глубинно-чёрный, но, после очередного недовольного взгляда Ловены, быстро стабилизировался и превратился в ровный круг, из центра к краям которого бежали белые и чёрные концентрические окружности.

– Вы и вы первые, – указала драконица на одного белого и одного тёмного магов, – пройдёте и вернётесь. Скажете, куда выводит портал.

Указанные маги согласно кивнули и почти одновременно зашли в открытый проход. Буквально через несколько мгновений они вернулись и сообщили, что с той стороны всё почестному – портал выведен на площадь Двенадцати Башен в Эрмате. Ловена, по-прежнему держа на руках повисшую

безвольной куклой Полину, сделала шаг.

Глава 4

Площадь Двенадцати Башен встретила нашу компанию пустотой и безмолвием. Впрочем, Полина уже давно перестала удивляться. Ну, подумаешь, попали всего за пару шагов в совершенно другое место – на площадь. И эту площадь окружают не привычные высотки, и даже не европейские древние здания и готические соборы, а причудливые башни. Мало ли чего не бывает в бреду. Нужно ещё немного подождать, и ей непременно назначат лечение. Может, прямо сейчас врачи пытаются вернуть её в привычную реальность. Шизофрения – это, конечно, неприятный диагноз, но и с ним люди живут. Даже у них в университете была преподавательница, которая ежегодно – либо весной, либо осенью – проводила по два–три месяца на излечении, а потом возвращалась к нормальной жизни. Приятная, кстати, женщина, ничем не выказывающая свои странности в промежутках между приступами.

– Я и Сосуд уходим в Башню Карохат – башню драконов, – объявила Ловена, – там целители осмотрят Сосуд и, после того, как она получит необходимую помощь, немного придёт в себя и сможет передвигаться самостоятельно, вы сможете предъявить ваши претензии Хранителям Равновесия.

– Но, уважаемая Ловена, – вкрадчиво возразила Орриста, – всем известно, что Хранители Равновесия могут прини-

мать решение сколь угодно долго. А могут и вообще не ответить на наш вопрос!

– Сосуд принадлежит расе людей, а, значит, и жить она будет среди вас, людей. Вы, представители Света, – Ловена кивнула в сторону светлых, – и вы, представители Тьмы, – кивок в сторону тёмных, – будете иметь одинаковую возможность убеждать Сосуд принять ваши взгляды и мировоззрения. Покровительство драконов распространяется на Сосуд до того момента, как она предстанет перед Хранителями Равновесия. Возражения есть? Возражений нет, – драконица словно не заметила дружно встрепенувшихся Орристу и Рошта, – уважаемая Орриста, – обратилась она к светлой, – вы не приютите у себя несчастную? Похоже, хозяева башни Истэль не торопятся принимать её, – и она указала глазами на молчаливую девочку, которую до сих пор держал на руках один из адептов Света.

Хранительница света, не скрываясь, скривилась.

– Ясно, – ровным голосом отметила молодая драконица, лишь Полина почувствовала её скрытый вздох, – помогите, хотя бы сопроводить её до башни Карохат, одной проблемой больше, или меньше – какая разница.

– Многоуважаемая госпожа Ловена! – тут же откликнулся молчавший до сих пор Рошт. – Тёмная Башня почтёт за честь взять на себя обе проблемы, – и тёмный учтиво поклонился.

– Ну и зачем вам впавшая в ступор эльфийка? – поинтересовалась Ловена, впрочем, она уже дала знак светлому, ко-

торый почти бегом понёс ту самую эльфийку, прозванную Жизнью, к башне драконов, и сама направилась туда же.

– Тёмным тоже не чуждо милосердие, – мужчина последовал за ней, смиренно сложив на животе руки и опустив глаза.

– А-а, если только из милосердия, – протянула драконица, – хорошо. Когда девочка немного придёт в себя, я обязательно передам ей ваше приглашение.

– А Сосуд? – стараясь казаться наивным, спросил Рошт.

– А судьбу Сосуда будут решать Хранители Равновесия! – отрезала Ловена и захлопнула перед тёмным дверь Башни драконов.

– Уф, ну и тяжёлая же ты! – пожаловалась Ловена Полине после того, как они остались вдвоём в абсолютно пустом холле башни Карохат. – Может, прекратишь прикидываться и пойдёшь своими ногами?

– Что? – отстранённо спросила Полина.

– Я спрашиваю, на ногах стоять можешь?

– Могу. Но зачем?

– Я же говорю, тяжеловата ты для меня! – повторила драконица.

– А-а, ну, тогда поставь.

Ловена осторожно поставила свою ношу на ноги, понаблюдала за ней несколько мгновений, а потом произнесла:

– Так, стоять можешь. Уже хорошо. Предлагаю помыться, переодеться и перекусить. А потом поболтаем. Думаю, есть

о чём. Как тебе мой план? И скажи, наконец, как мне к тебе обращаться?

– Моё имя Полина. Ловена, скажите, вы доктор?

– Нет, я не доктор, – возразила собеседница, – тебе нужен доктор?

– Вам виднее, – Полина пожала плечами, – доктор или психиатр. Психиатр – это тоже доктор?

– Так, вот что, Полина. Я чувствую, что с тобой сама теряю разум!

– Я слышала, с психиатрами такое бывает, – согласилась Полина.

– Давай отложим все разговоры на потом. А сейчас – мыться и есть! – Ловена шагнула в одну из многочисленных дверей, выходящих в абсолютно пустой холл.

Полина последовала за своей провожатой и огляделась. Обычная комната, совмещающая в себе функции гостиной, столовой и, возможно, спальни. Что-то вроде новомодных сейчас студий. Немного странная обстановка, но ей ли, в своём бреде, удивляться таким мелочам? Ну, подумаешь, стол прикреплён к окну, как в вагоне поезда. И что может быть странного, что в окне видна не площадь, с которой они зашли в башню, а изумрудный газон и кусок отвесной скалы, обрывающийся в море? И мебель, включая тот стол, деревянная и очень массивная. И нет ни телевизора, ни какого другого привычного гаджета. Зато за абсолютно прозрачной стеной в другой комнате сияет синевой небольшой, шагов

семь-восемь, бассейн, в который прямо из стены бежал искрящийся водопад. А, чему удивляться, большое воображение, оно, оказывается, намного развитее воображения здорового человека.

– Чего встала? – Ловена уже прошла к бассейну. – Или у тебя стойкие предубеждения против чистоты?

– Что?

– Мыться будешь? – кажется, терпение драконицы начало заканчиваться.

– А можно? – Полина и сама поняла, насколько глупый вопрос она задала.

– Если это не противоречит твоим убеждениям, то даже нужно, – стараясь казаться спокойной, ответила Ловена.

Полина сбросила странную хламиду, врученную ей женщиной в белом, и, немного опасаясь того, что попадёт не в воду, а упрётся в больничный пол, стала спускаться в бассейн, в котором на притопленной каменной скамье уже блаженствовала Ловена.

– Вода? – она подняла удивлённый взгляд на ту, которую считала своим личным доктором.

– Ну да, – хмыкнула та, – а ты предпочитаешь молоко двенадцати девственниц?

– Нет, до такого даже моё воображение ещё не докатилось, – улыбнулась Полина и с наслаждением поплыла до следующего бортика, потом обратно, и так несколько раз.

Очень натурально щипали раны, полученные при круше-

нии башни Торенгара и порезы на запястьях, но это были мелочи в сравнении с тем наслаждением, которая она испытала от того, что оказалась в чистой воде. Поймав задумчивый взгляд Ловены, Полина подплыла к ней, заняла место рядом, зачерпнула из каменного углубления жидкого мыла и с наслаждением начала смывать с себя пыль, кровь и застарелую грязь. Несколько раз промыла непривычно длинные и оттого неудобные волосы, пока не осталась довольна результатом. Эх, была не была! Если уж бред такой качественный, то и за телом нужно ухаживать по полной!

– У тебя щёточка для ногтей есть? – незаметно для себя она перешла на ты.

– Что? А, щётки, посмотри там, – Ловена махнула рукой, и Полина обнаружила в стене ранее не замеченную дверцу, в которой с трудом, но нашла искомое, а так же пластину, отдалённо напоминающую пилку для ногтей.

– Вот оно, счастье, – выдохнула Полина после того, как они, отмытые до скрипа, выбрались из воды и, абсолютно обнажённые, развалились то ли на огромном матрасе, то ли на толстенном ковре.

Она с сомнением оглядывала хламиду, в которой сюда завилась. Надевать это одеяние не очень-то и хотелось, но другой одежды не было.

– Ловена, ты не одолжишь мне что-нибудь из своих одежд?

– Тебе холодно? Или ты стыдишься своей наготы? – сама

Ловена лежала неподалёку и совсем не стеснялась своего обнажённого прекрасного тела.

– Н-нет, тебя не стесняюсь, но, вдруг, кто зайдёт. Мужчина может зайти? Что он подумает о нас?

– Эх, люди, люди. Рабы своих же запретов и условностей, – вздохнула собеседница и махнула рукой на ещё одну появившуюся дверцу, – поищи там. Мы, драконы, предстаём в своём истинном виде без одежды, а потому и в человеческой ипостаси не считаем нужным скрывать тело. Одежды носим только за пределами своего сектора влияния. Ну, и, конечно же, когда холодно.

Полина, неловко пробормотав слова благодарности, метнулась к указанным дверцам. На многочисленных полках и вешалках висели одеяния, больше всего похожие на разнообразные хитоны и туники. Она выбрала свободную светло-зелёную тунику, немного не достающую до колен, и подвязала её широким синим поясом. Поиски белья не привели к желаемым результатам. Излишне наглеть, как, впрочем, слушать поучения-насмешки, не хотелось, а потому пришлось вернуться обратно. И всё же, даже в таком неполном одеянии можно чувствовать себя намного увереннее.

Когда она вернулась к Ловене, перед той, прямо на импровизированной постели уже находился не то огромный поднос, не то столешница на коротких изящных ножках-подставках. Впрочем, не всё ли равно, главное, не то, как это выглядит, а то, чем оно заставлено. А заставлен их стол был

плотно. Гарниров в понимании Полины на столе не было, зато в изобилии были представлены разные виды мяса и дикорастущие фрукты. Ни хлеба, ни лепёшек на столе тоже не было. Пришлось брать пример с гостеприимной хозяйки или доктора, а, может, видения больного воображения, в общем, смотреть, как Ловена разрезает овальные плоды, кладёт в них сочные куски мяса, выжимает в это сооружение сок из другого плода и аппетитно поедает. Получалось что-то вроде хот дога. Немного необычно, но вкусно.

– А теперь я готова тебя слушать, – Ловена подтянула к себе мягкий валик и с наслаждением на него откинулась.

– Анамнез будете собирать, – Полине очень хотелось показать, что она не безнадёжна.

– Нет, собирать мы сейчас ничего не будем, да и не люблю я собирать что бы то ни было. Я хочу услышать, как ты оказалась в роли Сосуда, – терпеливо пояснила собеседница, – очень уж ты не подходишь на эту роль.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, – Полина прикрыла глаза, – что ты подразумеваешь под понятием Сосуд? Ты только не обижайся, я и правда, хочу помочь! И тебе, и, конечно же, себе. Но пока мне приходит в голову только то, что я тронулась умом после аварии. И всё, что происходит со мной последние несколько дней – это непрекращающийся шизофренический бред. Хотя, я совсем не специалист в этой области. Остаётся надеяться, что специалист – это ты.

– Та-ак, – протянула Ловена, – бред в твоих словах, возможно, присутствует, но очень уж он упорядочен. Прямо скажу, не свойственен он для Сосуда!

– А какой свойственен? И скажи уж мне, наконец, почему все меня называют Сосуд? Что это? И... когда я приду в себя?

Ловена постучала изящными острыми коготками по краю бокала с тягучим винно-красным содержимым, к которому она время от времени прикладывалась.

– Появляются у меня насчёт тебя кое-какие подозрения, – задумчиво произнесла она, – и, если это верно... ну, да ладно, не буду больше тебя пытаться! Давай расскажем каждый свою версию произошедшего, сравним их и выясним, насколько я права.

– Рассказывай! – быстро сориентировалась Полина.

Собеседница лишь усмехнулась такой прыткости.

– И что же тебе рассказать?

– Больше всего меня интересует, когда моя голова придёт в порядок.

– Значит, сначала, – сделала вывод Ловена, – ну что ж, с самого начала сотворения мира, думаю, рассказывать не стоит, у каждой расы есть своя версия, а потому, начну-ка я с нашего покойного знакомого Торенгара. Устроит?

– Более чем, – кивнула Полина.

– Время от времени в мире появляются такие вот маньяки с гипертрофированным стремлением к власти. Чаше все-

го они встречаются среди людей. Я ни в коем разе не хочу тебя обидеть, но это неоспоримый факт. Были ещё фейри, тем даже вы, люди, уступали в этой страсти к мировому господству. Но фейри и поплатились за это. Общими усилиями их изгнали из Карусы, – Ловена провела ладонями по лицу, словно совершая защитный знак, – это должно было бы послужить примером, но время от времени среди людей появляется очередной недоделанный Властелин, который считает, что только он знает, как лучше жить всем нам. Люди, вообще, воинственны, как никакая другая раса. Люди – единственная из рас Карусы, которая поделилась на два лагеря – светлых и тёмных. Причём, добиться абсолютной власти хотят и те, и другие. Только одни прикрывают своё желание заботой о людях, реже – обо всех расах сразу, не суть важно, а другие прямо и недвусмысленно, как стрела, летящая к цели, не скрывают своих намерений. Думаю, последние всё же честнее. К таким и принадлежал Торенгар – тёмный магодиночка. В последнее время такие попытки случаются всё чаще, – признала она, – как будто вместе с воинственными фейри из миров Карусы ушло само равновесие.

Ловена поднялась, прошла по комнате, выглянула в окно.

– Не хочешь продолжить наш разговор на лужайке? – заинтересовалась она.

Полина пожала плечами. Желает собеседница сменить декорации, можно и на лужайку выйти. На периферии созна-

ния мелькнула мысль, что так она и в космосе без скафандра побывает.

Лужайка оказалась самой настоящей. Трава на ней была нежной и мягкой и приятно холодила босые ступни.

– Как же хорошо в Карохатасе! – почти простонала Ловена. – Ну да ладно, на чём я остановилась?

– На Торенгаре, – Полина усомнилась, что собеседница могла потерять нить повествования.

– Торенгар. Так вот, тёмный маг Торенгар решил провести ритуал призыва силы. Мало ему было той силы, которой он уже владел. Мирового господства захотелось. Он где-то нашёл описание призыва силы, создал пентаграмму и собрал всех нас, – Ловена вздохнула. Было ясно, что ей неприятно вспоминать то, что с ними было, – но в его планы прокралась ошибка. И эта ошибка – ты!

– Кто только не называл меня своей ошибкой, – согласилась Полина, – и родители, и Артур. Теперь, вот ещё и ты.

– Нет, я, как раз и не против, даже рада, что Торенгар ошибся. Он собрал шесть девушек – представителей разных сил: сил света, тьмы, жизни, смерти и... разума. Принёс их на алтарь-пентаграмму и вознамерился объединить в одну силу. Ты, как Сосуд, должна была принять эту силу и передать ему. К тебе сила пошла, но на этом всё и остановилось, ты не передала её дальше, более того, ты впитала силу самого Торенгара.

– Значит, Сосуд – это та, кто принимает общую силу, так?

– Да, совершенно верно, Сосуд – это та, кто {может} принять силу. Для этого Сосуд должен быть пустой. Не принадлежать ни свету, ни тьме, не познать жизнь или смерть, то есть не принимать семя и не отвергать его. И... не нести в себе разума. На тот момент ты не была ни светлой, ни тёмной, твоё тело не принимало семени мужчины. Только вот с разумом Торенгар ошибся. Его как будто бы и нет – ты не знаешь элементарных вещей, но, в то же время, на абсолютно чистое полотно, присущее Сосуду, твой разум не похож.

– Иными словами, крыша, вроде бы уехала, но содержимое домика не опустело, так?

– Ты говоришь странно, – нахмурилась Лорена, пытаюсь вникнуть в слова собеседницы, – но примерно так и есть, – быть Сосудом может только девушка, абсолютно лишённая разума. Я подозреваю, что ты не случайно испортила формулу Торенгара. Это так?

– Я поменяла знак в формуле силы, – призналась Полина.

– Да, вот что мне не давало покоя! Сила пошла не от тебя к тёмному, а от него к тебе! Это многое объясняет. Но где же он ошибся? Расскажи, откуда ты попала к Торенгару? Он тебя украл? Купил?

– Я даже и не знаю, с чего начать, – Полина задумалась, – пойми, я понимаю, что это всё не настоящее, я знаю, как должно быть! А выбраться из этого бреда не могу!

– Вот как? Начни с вашего знакомства. С того момента, когда начались странности.

– Помню, что попала в аварию, помню, что буквально вознеслась над телом. Помню, как жутко болела голова и правый бок, по которому пришёлся удар. Потом какой-то воючий мужик назвал меня своей доченькой Пэл, сказал, что мне привалило счастье и отдал Торенгару.

– Ясно, значит, тебя продали. А что ты помнишь до этого момента?

– Я жила нормальной, понимаешь, нормальной жизнью! И хочу опять к ней вернуться! Окончить университет, родить ребёнка. Ловена, ведь с ребёнком всё в порядке?

– С каким ребёнком?

– Как, с каким? Я беременна. Небольшой срок, но...

– Ты забыла, что я сказала? Сосудом выбирается непорочная дева, ни разу не принимавшая семени мужчины.

– Тщательней выбирать нужно было вашему Торенгару! – возмутилась Полина. – Непорочную дуру он искал! Так ему и надо!

– Я тоже не очень расстроилась, что так получилось, – согласилась Ловена, – да, не смотри на меня так, я не буду скрывать, я счастлива, что Торенгару попалась именно ты, а не безмозглая девственница!

– Как же к нему тогда попала ты? Насколько я помню, тебя он назвал Разум? Не похоже, что ты пришла добровольно, как тёмная Дарна. Тоже продали?

– Как, как, – видно было, что собеседнице не хочется вспоминать эту историю, – дура была! Мама нашла мне парт-

нёра для первой вязки, а я решила попривередничать. Вот и... допривередничалась. А, да что там, убежала из материнского гнезда, и по-глупому попала в расставленную ловушку. Впрочем, мои приключения уже позади и никому неинтересны. Нужно решать, что же делать с тобой. И тут есть варианты, – Ловена задумалась.

– Может, поделишься своими соображениями? – отвлекла её Полина.

– Ну, что ж. Вот тебе мои выводы. Вывод первый: ты – не из нашего мира!

– Я бы предпочла версию с шизофренией. Ну, да ладно, продолжай!

– Ты не из нашего мира. И притянуло тебя сюда не просто так. Остаётся только понять, зачем? Что ты принесёшь Карусе? Какие-то изменения и потрясения, это однозначно. Но вот какие? И нужны ли они моему миру? – Ловена постукивала ногтями по голой коленке, задумчиво глядя вдаль. – Может, отправить тебя в полёт?

– В какой полёт? – Полина даже отодвинулась от энтузиастки такого радикального метода.

– Вот с этой скалы, – и молодая драконица кивнула на обрывистый утёс, внизу которого плескалось беспокойное море.

– Эй, ты это серьёзно?

– Это один из вариантов решения проблемы, – вполне серьёзно поведала Ловена, и Полина сразу поверила, что та ни-

сколько не шутит.

– А, может, есть ещё какие-нибудь варианты? Не такие радикальные?

– Есть, как же не быть. Отдать тебя светлым, отдать тебя тёмным, и – не предпринимать ничего!

– Мне нравится последнее предложение, – Полина попыталась улыбнуться. Всё же, в ней теплилась надежда, что бред когда-нибудь закончится, и она вынырнет из него без тяжёлых последствий.

– Да, придётся так и сделать. Завтра с утра отведём тебя к Башне Хранителей Равновесия, а там уж, как распорядится Великое Яйцо. И ещё, – Ловена оглядела свою подопечную, особенно остановившись на лице, – я бы пока не советовала тебе открывать сразу все свои тайны. Оставайся для всех прежней дурочкой Пэл. Хотя, нет, даже при всём старании у тебя не выйдет изобразить безмятежный взгляд полной идиотки. Тебя выдаст твой же взгляд. Очень уж он... своеобразный. Ну, да ладно, надейся, что всё спишут на ритуал. Пусть считают, что вместе с силой тебе передалась и кроха разума Торенгара. Ты уж постарайся излишне не блистать своим умом! И будь готова к тому, что как светлые, так и тёмные будут стремиться заполучить тебя, вернее силу, которой ты владеешь, в свою башню.

– Ловена, а ты кто? – решила напоследок поинтересоваться Полина.

– Я? Я дракон, – как что-то само собой разумеющееся вы-

дала Ловена, а затем поднялась и, сказав, что идёт к матери, ушла в дверь, находящуюся рядом с той, из которой они вышли часом ранее.

Можно было понять, почему она не пригласила с собой Полину. Там драконицу поджидали мать и партнёр для вязки. Вот уж совсем не хочется попасть под раздачу. На краю сознания билась паническая мысль. А можно ли сойти с ума, уже будучи не в себе? Сам собой напрашивался единственно правильный вывод. Временно принять слова Ловены о другом мире на веру и считать, что всё, что происходит, происходит на самом деле.

Кажется, Полина почувствовала, как облегчённо расслабился её рациональный мозг математика. Неразрешимая задача немедленного выхода из тупиковой ситуации была снята. Вернее, мозгу позволили приступить к её решению обходными путями. Ну что ж, завтра получим новые условия и приступим к решению. А пока нужно хорошо отдохнуть, и девушка вернулась в помещение, в котором они обедали.

Глава 5

Ночью Полине снились башни. Кирпичные, каменные, деревянные и даже в виде шахматных ладей. Белые и чёрные, новёхонькие и полностью разрушенные башни кружили вокруг неё в бешеном хороводе под зловеший хохот башни Хранителей Равновесия. Да, вот что значит плотно поесть перед сном чуждой желудку еды.

И вдруг голову прошила мысль, которая должна была возникнуть давным-давно. Если сейчас у неё внешне другие руки, совсем другие волосы, значит ли это, что и тело... другое? Как же она не догадалась рассмотреть себя в зеркало?! А ещё женщина! В панике пометавшись по комнате, в которой спала, Полина догадалась зайти в помещение, в котором находился бассейн, и там на одной из стен обнаружила искомое.

Из зеркала на неё смотрело слегка обрюзгшее лицо, обрамлённое облаком тёмных волос. Скажем честно, глуповатое лицо. Такое, как будто... им не пользовались. Не было лёгкой складки между бровей, линия губ казалась излишне расплывчатой. Не утруждала его мимикой хозяйка. Почему-то подумалось, что в университетах обладательницы таких физиономий не обучаются. И всё же, это была она, Полина. Её скулы, её губы, нос и овал лица тоже были её. А вот глаза вместо серых стали зелёными. Ничего, можно при-

выкнуть. А то, что лицо особым интеллектом не отмечено, это даже лучше. Ловена сама сказала, что не нужно излишне блистать умом. Тем более, что однажды, в случае с Торенгаром, это уже сработало.

Полина привела себя в порядок и позавтракала остатками вчерашнего пиршества, с досадой про себя отметив отсутствие хлеба. Как же не хватало утренней плюшки с маслом. Впрочем, ей ли привередничать. Могли выдать подозрительным светлым или не менее озабоченным тёмным. А там что, опять алтарь? Нет уж, не будем искать добра от добра.

В дальнейшие размышления над своим положением ей не дала углубиться появившаяся женщина, чем-то отдалённо напоминающая Ловену, только крупнее и мощнее, что ли. Крупная, это первое, что приходило в голову. Широкая кость, идеально прямая спина, большой лоб, с едва обозначенным рисунком чешуек на границе каштанового ёжика волос и висках, крупный прямой нос, большой правильный рот. И глаза. Широко расставленные, они острыми ножами обследовали комнату и саму Полину. Так смотрел преподаватель матанализа Синеоков, когда проводил экзамен у младших курсов. Беда была тому горемыке, который попался на списывании. Можно было сразу собирать вещички и готовиться к длительному марафону по сдаче зубодробительного предмета. Меж тем женщина кивнула каким-то своим мыслям, и только потом – Полине.

– Приветствую тебя, гостя башни Карохат, – несколько

надменно произнесла она, – я знаю, твоё имя – Пэл. Этого для меня достаточно. Ко мне можешь обращаться Ледана. Моя дочь сочла нужным предоставить временное убежище тебе и дочери эльфов по имени Айнэль. Сейчас Ловена занята, а поэтому её обязанности вынуждена исполнять я. Скоро солнце достигнет зенита, к этому времени ты и дочь эльфов должны быть в Башне Хранителей Равновесия. Там я вас оставлю. И да решит вашу судьбу Равновесие и Великое Яйцо!

Вот так, чётко и по существу. Ни одной эмоции не промелькнуло на прекрасном холодном лице.

– Могу я узнать, где сейчас находится Ловена? – иметь дело с Ледяной Королевой, как про себя окрестила Полина мать подруги, было боязно.

– Ближайшие пару месяцев моя дочь будет занята, – снизошла до ответа Ледана, – а теперь пойдём, не стоит пропускать благоприятный час.

Не стоит, значит, не стоит, кто она такая, чтобы спорить со столь гостеприимными хозяевами. И Полина последовала за строгой провожатой. Они прошли в дверь, ведущую в холл башни, там Ледана быстро осмотрелась, недовольно нахмурилась и негромко кашлянула. Тут же открылась ещё одна дверь, и оттуда вышла девочка, которую вчера внесли сюда на руках.

– Айнэль, ты заставляешь себя ждать! – недовольно произнесла провожатая.

– Простите, – еле слышно шепнула девочка, её губы мелко затряслись.

Не снизойдя до ответа, старшая драконица направилась к выходу. Полина пожала плечами и, подхватив за руку растерянную девчонку, поспешила за Леданой.

Странно. Вчера площадь выглядела по-иному. Полине даже показалось, что на площади, вымощенной идеально-ровной брусчаткой, были часы и ещё какие-то странные механизмы. А сегодня, соблюдая своеобразную симметрию, по площади Двенадцати Башен были раскиданы приземистые, как будто даже кубические деревца и кустарники. Как же вчера Полина была измучена, что даже не заметила их. Да что там кустарники, она, вообще, ничего не рассмотрела, как следует. А посмотреть было на что. Башни, окружающие площадь по периметру, не просто были не похожи одна на другую. Даже далёкая от искусства архитектуры Полина поняла, что они все до одной принадлежат к абсолютно разным стилям. Идеально белая, видимо, принадлежала поклонникам света. Так же не сложно было предположить, что чёрный монолит могли занимать адепты тёмных сил. Башня драконов Карохат была похожа на замшелую древнюю скалу. Затянутые диким плющом развалины, следящие за проходящими насторожёнными провалами разрушенных окон и дверей, могли принадлежать изгнанным фейри. Были среди них башня-цилиндр, башня, на фасаде которой прогляды-

вали очертания приземистых мостов, даже башня, похожая на смесь солидного банка и мастерской. Впрочем, сегодня площадь не казалась придатком именно этого сооружения. Сегодня площадь прилегала к древнему каменному мосту, упиравшемуся в башню, этими мостами перегруженную. По укоренившейся привычке Полина пересчитала все башни. Их, вместе с разрушенной башней фейри, было тринадцать.

– Ледана? – задала она вполне резонный вопрос. – Почему площадь называется площадью Двенадцати Башен? Их же тринадцать.

– Ты сюда глаза разевать пришла, или по делу? – неизвестно почему разозлившись от безобидного вроде бы вопроса, мать Ловены грубо оборвала возникший, по её мнению, не к месту, интерес.

Пришлось задвинуть любопытство на дальний план и поспешить за провожатой и Айнэль, покорно, словно овца на привязи, следующей за драконицей. Они направлялись к конструкции, своими очертаниями отдалённо напоминающей башню Эйфеля. Легким росчерком возносящееся вверх сооружение, единственное из всех на этой площади, располагалось на опорах и внизу было свободно от каких бы то ни было конструкций. Собственно, помещения башни начались на уровне примерно третьего этажа, а внизу, между ажурных опор мог свободно развернуться не слишком большой грузовик. Только вот пока ещё ни одной машины в этом мире Полина не видела.

Старшая драконица подвела своих подопечных под своды Башни Хранителей Равновесия, сказала: «Ждите!», развернулась и преспокойно удалилась. Полина огляделась. А ведь эта башня тоже требует ремонта! Только вблизи стало заметно, что она основательно потрёпана временем и непогодой.

– Твоё имя Айнэль, да? – спросила она у девчушки, которая так и замерла там, где её оставила Ледана. – Меня можешь называть Пэл, – Полина решила последовать совету Ловены и придерживаться версии, по которой её продал тёмному магу родной отец.

Девочка глянула на неё огромными глазами и испуганно кивнула.

– Не нужно меня бояться, – как можно мягче постаралась произнести Полина, подходя ближе к товарке по несчастью, – я не сделаю тебе ничего плохого. Думаю, нам с тобой больше нужно бояться, чтобы эта древность не обвалилась и не погребла нас под своими развалинами.

– Если падёт Башня Хранителей Равновесия, падёт и Каруса, – безжизненным голосом ответила Айнэль.

– Да? Нужно бы иметь на этот случай пути отступления, – резонно заметила Полина.

Она подошла к основанию одной из четырёх опор башни потрясла его, легонько пнула босой ногой, даже поскребла странный материал ногтем и, так и не поняв, из чего же сооружено это чудо архитектурной мысли, вернулась к безучастной спутнице.

– Послушай, Айнэль, так уж получилось, что я до недавнего времени... не осознавала себя и того, что творится вокруг, а поэтому совсем не владею ситуацией. Ловена кое-что мне пояснила, но этого так мало. Ты не могла бы рассказать мне про то, что происходит? Пойдём присядем и поговорим?

Полина огляделась, заметила небольшое каменное возвышение, освещаемое солнцем, подошла к нему и уселась, аккуратно расправив под собой тунику – белья на ней по-прежнему не было.

– Что ты делаешь? – девчушка, заметив такое самоуправство, испугалась.

– Устраиваюсь поудобнее. Не думаю, что хранителям требуется, чтобы мы с тобой устали до умопомрачения, пока их ждем, иначе здесь не было бы этой замечательной скамьи. Иди, садись рядом, – и Полина приветливо постучала по нагретому камню, – садись и вводи меня в курс дела.

– Что? – бедняжка не поняла жаргонных словечек своей собеседницы.

– Для начала расскажи, как ты оказалась у Торенгара.

– Зачем тебе это? – Айнэль даже не пыталась скрыть свой страх, но всё же подошла и села рядом.

– Я же уже объяснила, что ничего не знаю ни о Карусе, ни о расах её населяющих. Ты, может быть, не поверишь, но эти башни, – Полина обвела рукой площадь, – я тоже вижу в первый раз. Да что там вижу! Я и слышать ничего о них не слышала. Ты же помнишь, я – Сосуд, и возможность сообра-

жать в этом мире ко мне пришла только с силой Торенгара.

Айнэль внимательно посмотрела на собеседницу, даже, словно невзначай, притронулась к ней рукой, отчего по телу пробежала ласковая волна, и только потом произнесла:

– Хорошо, я отвечу на твои вопросы. Вернее, расскажу, что знаю. Что тебя интересует? Как я попала к тёмному?

Полина согласно кивнула. Пусть говорит о чём угодно, лишь бы не замыкалась в себе, как вчера. Девочка тяжело вздохнула, помолчала, собираясь с силами, а потом начала свой рассказ.

– Тёмный подобрал меня в общих землях. Я... я там жила! – сообщила Айнэль так, как будто призналась, что занималась уличной проституцией.

– И что?

– Пэл, как ты не понимаешь, я жила в общих землях! Там живут те, у кого нет рода! Они либо от рождения не знают своих корней, либо от них отказался род. Это позор!

– И что же случилось с тобой? Почему ты там оказалась, Айнэль? – Полина взяла холодные даже в такую жару ладони девочки и стала их согревать теплом своих рук.

– Что ты делаешь? – Айнэль широко распахнула и без того большие глаза.

– Пытаюсь поддержать тебя. Тебе неприятны мои прикосновения?

– Пэл, ты делишься силой!

– Это плохо?

– Никто не отдаёт силу просто так. Тем более, таким ничтожествам, как я, – поникла Айнэль.

– Не смей так говорить! Человек всегда такой, каким себя ощущает, если сто раз сказать «Я – ничтожество!», то непременно им станешь. А если сто раз сказать «Я самая-самая лучшая!», то ты и будешь самой лучшей!

– Хорошо вам, людям, у вас есть такое заклинание, у нас ничего подобного нет.

– У кого – у нас? – не поняла Полина.

– У нас, эльфов.

– А-а, ты про это! – ну надо же, отметила про себя Полина, драконов встретила, теперь вот маленькую заблудшую эльфю из депрессии приходится выводить. – Ну, так оно универсальное. Ты же знаешь, я – Сосуд, я ничья. И заклинания, созданные мной, могут использовать все!

– Правда? – неужели в этих фиалковых глазах промелькнула надежда?

– Самая настоящая правда. Пользуйся. Я ещё придумаю, – авторитетно заявила Полина.

– Я – самая-самая лучшая!

– Жаль, у нас нет зеркала, ты могла бы убедиться, заклинание начинает действовать.

– Правда?

Полина утвердительно прикрыла глаза.

– А ты не сочтёшь меня пропащей, когда я расскажу свою историю?

– Ну-у, – протянула Полина, – может быть, тебе придётся повторить, что ты самая лучшая не сто, а сто два или даже сто три раза.

– Я повторю, сколько нужно, столько и повторю, – серьёзно заверила маленькая эльфийка, – а теперь слушай. Понимаешь, я странная. Я родилась такой, и с этим ничего не поделать. Я, как это сказать, могу чувствовать чувства!

– Как это?

– Я пойму, если ты оттолкнёшь меня сейчас, – в голосе Айнэль опять проскользнули грустные нотки, – ты держишь меня за руку, а я знаю, что ты чувствуешь, – девочка неуверенно потянула на себя озябшие ладони, но Полина не дала этого сделать, и она продолжила: – Доброжелательность, спокойствие, немного неуверенности. Ещё я ощущаю, что ты что-то не договариваешь, но это не касается меня и наших отношений. Ты не испытываешь ко мне ненависти!

– Это почему же я должна тебя ненавидеть? – Полина даже отпрянула.

– Ну как же? Мы же с тобой разной расы.

– Эх, Айнэлька, Айнэлька, какая же ты наивная. Ну, да ладно, рассказывай дальше!

– Когда в роду поняли, что я другая, стали сторониться меня. Дальше – хуже. Мне даже прикосновения стали не нужны. Я и без них могла определять эмоции окружающих. Не каждый хотел, чтобы я знала, что же он чувствует. Потому и суженого мне не нашлось, – Айнэль опять глубоко

вздохнула.

– Да какой тебе суженый, пигалица?! Тебе же ещё в куклы играть да играть!

– Пэл, мне двадцать семь лет. Да, по меркам эльфов это очень мало. Но к двадцати пяти годам эльфийка должна иметь жениха-покровителя. А выйти замуж можно и позже, годам к сорока. Мне никто не захотел оказать покровительство, – и опять раздался очередной вздох.

– И что? Вот так просто выгнали? – не поверила Полина.

– Никто не стал удерживать ненужного члена рода.

– Тьфу! Да как же вы ещё не вымерли все!

– Ты и это знаешь? – пушистые ресницы испуганных глаз порхнули, словно крылья бабочки.

– Прости, что я знаю? – нахмурилась Полина.

– Как же, ты сама сказала, что мы вымираем? – и тут Ай-нэль словно прорвало. – Да, это самый большой секрет, но Истэлион вымирает. И это при том, что к воспроизводству привлекаются только самые чистые особи, но всё равно, такие, как я, с отклонениями, рождаются всё чаще. И рождаемость падает, – маленькая эльфийка совсем поникла.

– Чистота расы, – как будто сама себе произнесла Полина, – где-то я уже это встречала. И что? Куда же деваются те, кто с отклонениями? Их передают в поликлинику, на опыты?

– Что такое поликлиника?

– Забудь, это я так. Я спрашиваю, что делают с теми, кто рождается непохожим на общеэльфийский эталон?

– Я же говорю, таких не допускают до воспроизводства.

– Ах, вот оно что, не допускают? – с заметной долей сарказма протянула Полина. – Ну, а если кто-то, всё же... воспроизведётся?

– Как это?

– Ох, Айнэлька, Айнэлька, какое же ты ещё дитя, хоть и прожила на свете больше меня. Физически ты здорова?

Эльфийка согласно кивнула головой, со всем старанием слушая новые, зачастую непонятные речи.

– Во-от, значит, и ребёночка родить можешь, так?

– Как же я рожу, если мне никто не захотел оказать покровительство? Ты не думай, что я совсем наивная, я знаю, откуда берутся дети! – Айнэль, стараясь казаться серьёзнее, смешно нахмурила бровки.

– О, это уже хорошо. Значит, нужно оглядеться вокруг, найти ещё кого-нибудь с отклонениями, приглядеться и, если вы понравитесь друг к другу, приступить к воспроизводству. Ну, когда подрастёшь, конечно!

– А, – изумлённая откровениями девочка даже приоткрыла рот, – так разве можно?

– Тебе запрещали? – Айнэль отрицательно помотала головой. – Нет, не запрещали, – констатировала Полина. – Род от тебя отказался? – последовал грустный утвердительный кивок. – Ну так вот, если ты теперь сама по себе, то смело можешь применять второй закон Пэл – всё, что не запрещено, можно! Первый закон помнишь?

– Я – самая-самая лучшая! – гордо произнесла маленькая эльфийка.

– Вот и молодец! Из тебя выйдет толк, – и Полина нажала пальцем на кончик носа улыбающейся Айнэль.

Девушки проговорили ещё долго. Полина спрашивала, а Айнэль отвечала. Так она рассказала, что изначально башен было двенадцать – по числу населяющих Карусу рас и основных сил. Из двенадцати дней состояла в этом мире и неделя. Каждой расе или силе принадлежала одна башня и один день, когда они главенствовали на площади Двенадцати Башен. Вчера был день гномов, и площадь была устроена согласно их канонам, сегодня – день троллей. Дальше шли орки, драконы, вампиры, тёмные, оборотни, гоблины. За ними был день хранителей, раньше именовавшийся днём фейри, и последний, двенадцатый день, был днём Карусы. Эльфийский день начинал неделю, за ним следовал день светлых, и опять – день гномов.

Башни на площади – это не просто сооружения, а порталы-проходы в земли их хозяев. Из башни Истэль можно попасть в земли эльфов Истэлион, из Карохата – в Карохатас. Башня Карусы выводила в общие земли. Эта башня – единственная, в которую может зайти каждый, туда и ушла Айнэль, когда стала не нужна родным. Остальные открываются только исконным обитателям и их приглашённым. Вход в башню фейри запечатан. Впрочем, всё равно находятся искатели приключений, который ищут его. Может быть, и на-

ходят, потому как обратно мало кто возвращался.

– Это что, – Полина подозрительно осмотрелась, – мы с тобой отсюда вот так запросто можем попасть на территорию хранителей?

– Я не знаю, – Айнэль слабо пожала плечиками, – я вижу то же, что и ты – вокруг нас те же двенадцать башен. И ни одной двери, которая могла бы вести к хранителям.

– Это что же получается? Вчера мы с тобой были не в башне драконов, а в их стране?

– Да, Карохатас оказал нам гостеприимство.

– А где же находится – находилась, – поправилась Полина, – башня Торенгара? На землях тёмных?

– Нет, что ты? Тёмные не позволили бы ему единолично обрести такую силу. Его башня находилась на общих землях. Я уже говорила, там живут те, у кого нет рода.

– А на общих землях, значит, можно и башню строить, и силу обретать в одну... одно лицо?

– Этого нигде нельзя делать. Торенгар скрыл своё местонахождение от других магов, его не могли бы ни почувствовать, ни найти, даже если бы очень захотели, – пояснила Айнэль.

– И как же нас так быстро нашли?

– Смерть мага такого уровня даёт большой выброс силы. Вот тёмные и светлые прибыли так быстро.

– А почему только они? Кроме тёмной Дайны и грудастой светлой Элит{ы} были ещё ты, Ловена и девушка, которую

тёмный маг назвал Смерть.

– Вампир. Ранга, названная Смертью, является вампиром. Торенгар был человеком, его деяния затрагивают только людей, вот и прибыли к его башне только люди.

– Ну да, зачем отвлекаться на каких-то там тёмных властелинов, когда на первом месте стоит забота о чистоте крови, – усмехнулась Полина.

– Это очень важно! – не поняла Айнэль сарказма.

– Ох, какие же у вас сложности, – поцокала языком Полина, – хотя, что я лезу со своим уставом, у самой крыша не на месте. И, вообще, я хочу есть, пить и в туалет! Здесь есть обеденный перерыв? Странно, время движется к вечеру, а на площади до сих пор не появилось ни единого человека, ну или эльфа, или кого другого. Где все? Или кризис воспроизводства настолько глубок, что в нашей милой Карусе скоро совсем не останется жителей?

– Ну что ты? В Карусе много жителей. И на площадь они ходят. Правда, без дела здесь никто не шатается. Пойми, это же Башня. Мы не видим тех, кто снаружи, а они не видят нас.

– Что, даже если на площади сейчас полно народу, а я присяду в углу и сделаю своё маленькое дело, меня никто-никто не заметит?

– Я замечу. И хранители могут заметить, – серьёзно ответила Айнэль.

– Да где они, те хранители? Мы с тобой провели здесь весь день, и напрасно! Пойдём, если мы кому-то нужны, пусть са-

ми ищут, – Полина решительно встала и потянула за собой новую подругу.

Глава 6

Как только девушки вышли из-под сводов Башни Хранителей Равновесия, на площади, словно из ниоткуда, появились вчерашние знакомцы – тёмный Рошт и светлая Орриста. Каждый имел свою группу сопровождения. Среди светлых Полина узнала подругу по приключению Элит{y}. Она и начала разговор первой.

– Девочки, как я рада, что с вами всё в порядке! – Элита радостно кинулась к обретённым подругам. – Как же я себя корила, и корю до сих пор, что растерялась и не оказала вчера положенного вам гостеприимства! Но сегодня мы обязательно всё исправим! Пойдёмте домой! Светлая башня будет рада оказать вам достойный приём!

Испугавшись такого энтузиазма, Айнэль, как будто невзначай, отступила на шаг назад и немного за спину Полине, которую совершенно не смутил подобный натиск. Да этой светлой Элите никогда не конкурировать с нашими земными сектантами и агентами по продаже кредитов.

– Послушайте, девушка, – осадила она не в меру горячую энтузиастку мира и дружбы между народами, – то, что нас вчера всех пытались убить, ещё не повод для столь тесного знакомства.

Лица людей в белых одеждах озадаченно вытянулись. Со стороны тёмных раздался залиvistый смех и показательные

рукоплескания.

– Как вы их, госпожа Пэл, – ввязался в разговор тёмный маг Рошт, – я восхищён! Я восхищён и покорён! Госпожа Пэл, выходите за меня замуж!

– Что? – от такого поворота опешила даже Полина.

– Я предлагаю вам свою руку и горячее сердце! – Рошт прижал ладонь к груди и опустился на одно колено. – А эту милую девочку, – он кивнул на Айнэль, – мы удочерим!

Надо же! Миры разные, а жесты всё те же. Или это воображение устало работать? Полина, не зная, как действовать в этой ситуации, растерянно оглянулась на Айнэль.

– Не лжёт, – подтвердила та, – он, действительно, согласен на тебе жениться, а вот та, – она указала подбородком на Элиту, – та обманывает. И ты, и, особенно я, ей не нравимся.

Айнэль говорила так, что её слова были слышны, как тёмным, так и светлым. Глаза Рошта сверкнули торжеством, он поднялся и протянул Полине руку.

– Подождите, подождите! – видя такой поворот дела, вмешалась в разговор госпожа Орриста. – Сосуд силы должна знать, что маги башни Солен, любой холостой маг, смею заметить, будут тоже рады оказать ей покровительство.

– Аха, вот как, покровительство. А если я потребую покровительства сразу двоих холостых магов? – кажется, Полину понесло.

– Свет сочтёт возможным рассмотреть ваше желание, – Орристе даже удалось удержать лицо, – думаю, в этом не

должно возникнуть проблем.

– А Айнэль? Айнэль может рассчитывать на покровительство? – продолжала допытываться Полина.

– Думаю, и это не будет проблемой, – дипломатично ответила представительница светлых сил, – если в общих землях существуют смешанные браки, почему бы кому-нибудь из светлых...

– Госпожа Орриста неискренна, – набравшись смелости, прервала словесный поток сама Айнэль.

– И почему я почувствовала это без всякого дара? – задала риторический вопрос Полина.

– Ладно, – светлая магиня поняла, что сегодня удача поворачивается к ней всё более неприглядной стороной, – я не буду настаивать на немедленном принятии вами, Пэл, решения по поводу вступления в ряды светлых сил, но никто, – она торжествующе глянула на тёмного мага, – не сможет мне помешать рассказать вам кое-что из нашей истории.

– Я допускаю, что это всё может быть очень интересно и познавательно, но Айнэль и я провели в этой башне очень много времени, и сейчас нам хочется... попудрить носик, – перебила её Полина.

Ещё очень хотелось есть, и она понимала, что и тёмные, и светлые с превеликим удовольствием предложат им своё гостеприимство. Гостеприимство, за которое нужно будет платить. А платить-то им с Айнэль как раз и нечем. Пресловутая сила, доставшаяся Полине от Торенгара, была величи-

ной неизвестной, и требовала более осмысленного изучения. Значит, опять придётся идти к драконам.

– Идём! – Полина взяла покорную эльфийку за руку и решительно направилась к башне Карохат.

– Пэл, куда мы идём? – Айнэль послушно перебирала ногами.

– К драконам. Помогли нам вчера, думаю, не откажут ещё раз. Много ли нам с тобой нужно?

– Нас там не ждут, – девочка замедлила шаг.

– Ну и что, вчера тоже не ждали. Приютили же.

– Вчера нас пригласила Ловена.

– Так, – Полина резко остановилась, – то есть, ты хочешь сказать, что эти двери открываются только драконам?

Айнэль удручённо, как будто в этом была виновата она, кивнула головой.

– И в башню Истэль нам хода нет?

На несчастную эльфийку было жалко смотреть.

– Так, понятно. Ты лучше описашься у всех на виду, чем пойдёшь к своим родственникам, так?

– Я не буду, – здесь Айнэль запнулась, но потом тихо шепнула, – п{и}сать на виду у всех.

– А я, если прижмёт, буду! – с вызовом объявила Полина.

Она огляделась. Рошт и Орриста никуда не делись. Они по-прежнему стояли около Башни Хранителей Равновесия и внимательно следили за девушками.

– С-стервятники, – прошипела их вожаделенная добыча,

– что же им так неймётся? Ладно! Если эта милая парочка в данный момент сможет нас накормить, я согласна выслушать их предложения! Как-то же нужно прервать этот фарс. Говоришь, в башню Карусы может попасть любой? – Айнэль лишь кивнула в ответ.

Полина сменила направление на противоположное, так как башни Карохат и Каруса находились на разных концах площади, и направилась к общей башне. Вблизи стало заметно, что её массивные двери, в отличие от дверей остальных башен, были не заперты. Подруги остановились под каменными стенами. Слышали ли светлые и тёмные маги слова, сказанные Полиной, или же сами проявили инициативу, но обе компании дружно направились к остановившимся девушкам.

– Господа, – как только маги подошли, обратилась к ним Полина, – как я понимаю, и вы, – кивок в сторону госпожи Орристы и её компании, – и вы, – то же самое в сторону Рюшта, – заинтересованы во мне. Но вот незадача, вас двое, а приз, то есть, я – один, и я пока не вижу своей заинтересованности в ком-либо из вас. Это хорошо. Мне, конечно же, хорошо. Я могу выбирать. А посему, вот моё предложение. Сейчас мы с Айнэль заходим в башню Карусы, чтобы пожить некоторое время там. Желающие оказать нам первую помощь по обустройству могут последовать с нами, и за обедом рассказать обо всех преимуществах своего видения жизни. Ну, как вам моё предложение?

Все, в том числе и Айнэль, озадаченно молчали.

– Я что-то непонятно сказала?

– Как я понял, – осторожно начал Рошт, – вы собираетесь временно поселиться в общих землях, а нам предоставляет-ся возможность помочь вам на первых порах и убедить вас, госпожа Пэл, принять нашу точку зрения?

Полина подтвердила его слова.

– А я согласен! – бесшабашно заявил тёмный и широко распахнул двери перед девушками: – Прошу!

Светлая госпожа Орриста, поначалу скривившаяся при мысли о том, что нужно будет посетить общие земли, мгновенно передумала, увидев с каким энтузиазмом ухватился за эту идею её конкурент.

Под своды общей башни, именуемой башней Карусы, зашли вчетвером. Сопровождающие госпожи Орристы и Рошта остались на площади. Попала наша четвёрка в абсолютно пустой и какой-то негостеприимный холл, чем-то отдалённо напоминающий зал ожидания автовокзала какого-нибудь маленького захолустного городка. Не хватало только рядов обшарпанных кресел и хриплых объявлений вечно недовольной дикторши. Ах, ну да, пассажиров с их баулами, рюкзаками и чемоданами тоже не наблюдалось, чего нельзя было сказать об образчиках примитивной стенописи.

– Куда теперь? – так получилось, что Рошт добровольно взял на себя обязанности руководителя их маленькой экспе-

диции.

– Туда, где кормят! – Полина, в отличие от подруги, стесняться не собиралась. В конце концов, в кои-то веки случилось так, что она была нужна кому-то больше, чем этот кто-то был нужен ей.

Тёмный кивнул в знак того, что понял её пожелания, и прошёл к одной из дверей. Женщины дружно шагнули за ним. Сразу из двери они попали на шумную базарную площадь. Надрывно кричали зазывалы, с наслаждением торговались продавцы и покупатели, уверенно расталкивали окружающих крутобёдрые тётки с огромными корзинами в руках, бесшумно сновали юркие подозрительные личности. Ничего нового. Рынок, он и есть рынок – во всех мирах одинаков. Полина оглянулась. Башня Карусы стояла на месте. Только вот позади неё располагалась не торжественно-скучная площадь Двенадцати Башен, а продолжалось шумное торжище. Ха, подумаешь, портал. Зато... зато у них нет ни машин, ни самолётов, вот!

Айнэль крепко ухватила за руку свою подругу, а та, не стесняясь, вцепилась в своего провожатого. Не хватало ещё потеряться в этой суеде и толкотне. Пусть сначала накормят и объяснят суть своих предложений, вполне может статься, что Полина сочтёт возможным принять одно из них. Всё равно, жить-то как-то надо. Вдруг, придётся задержаться в этой самой Карусе?

Совсем недолго поплутав, Рошт уверенно вывел свой

небольшой отряд к таверне, источающей аппетитные запахи. Оказавшись внутри, Полина чуть не застонала от счастья. Несмотря на то, что, судя по солнцу, именно в этом месте Карусы было позднее утро, по их внутреннему времени уже вовсю приближался ужин, а потому ещё немного, и можно будет продать свои геополитические убеждения за тарелку того, что так аппетитно пахло даже за стенами этого заведения общепита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.